29
Книжная Палата

Творческие дискуссии — постоянный метод научной работы

Могучий расцвет переживает советская наука — наука, впервые в истории человечества получившая возможность неограниченного участия в преобразующем мир труде миллионов. Ее вдохновляют великие замыслы строительства коммунизма, ее укрепляет и возвышает признание народа. В нашей стране открыты новые страницы в науке о жизни, получили наивысшее развитие наиболее прогрессивные тенденции современной техники, новый подъем наблюдается в науках, изучающих закономерности общественного развития. Движение науки, ее развитие — это не только количественное накопление новых фактов, добавление их к старым положениям и выводам. В гигантской творческой работе советских ученых имеется качественная, революционная сторона. Она проявляется в непримиримой борьбе со старым, отжившим, в смелом выдвижении всего нового, передового. Партия, товарищ Сталин учат нас тому, что важнейшей движущей силой этого развития, действенным орудием борьбы за коммунизм являются критика и самокритика.

Одной из основных форм развития критики и самокритики в науке являются свободные творческие дискуссии. Проведенные под направляющим влиянием партии и руководящих идей товарища Сталина дискуссии по вопросам философии, музыки, биологии, дискуссия по языкознанию, павловская сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук имели огромное значение для теоретического фронта нашей страны. Не случайно эти дискуссии проводились именно там, где наблюдался застой, имели хождение антимарксистские, идеалистические взгляды. Посвященные самым жгучим вопросам современной науки, эти дискуссии не только оказались в центре внимания всей советской общественности, но получили и широкий международный отклик. В лагере реакции они вызвали злопыхательство, в лагере же передовой прогрессивной мысли — живой интерес и понимание.

Прогрессивные деятели культуры отмечают особый характер и особое место творческих дискуссий в развитии советской науки. Французский поэт Луи Арагон так писал после сессии ВАСХНИЛ в журнале «Эроп»: «Никогда еще в истории человечества, ни в одной стране, научная дискуссия не пользовалась такой гласностью, никогда за ней не следили миллионы людей. У нас это немыслимо. Ни одна газета не взялась бы за опубликование этих материалов... для подобного материала, отпечатанного таким тиражом, газета не нашла бы достаточного числа читателей: их не существует в нашей стране». Луи Арагон писал также, что такое широкое опубликование материалов дискуссии «...заставляет признать факт создания в СССР интеллигенции нового типа, состоящей из миллионов людей, способных интересоваться научной дискуссией по вопросам биологии и следить за ходом такой дискуссии».

Научные дискуссии помогают победе прогрессивных взглядов и направлений, указывают пути дальнейшего развития науки. Появившиеся в ходе дискуссии по языкознанию новые гениальные работы товарища Сталина разрешили коренные проблемы марксистского учения о языке, вывели советское языкознание на широкую дорогу творческого развития. Мощным толчком для дальнейшего развития передовой физиологии и медицины явилась и прошедшая в этом году объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР.

Закончившаяся на днях объединенная сессия Отделения языка и литературы Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященная трудам товарища Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков, явилась важным событием в деле дальнейшего развития советского языкознания.

Жизнь показала, что творческие дискуссии приносят неоценимую пользу, неизмеримо активизируют всю научную жизнь коллектива. Однако в некоторых научных учреждениях существует еще глубоко неверное представление о том, что дискуссии нужны лишь по чрезвычайным поводам.

Не ждать, когда на том или ином участке науки обнаружится застой, проникновение чуждых нашему мировоззрению взглядов, а активно вмешиваться, предупреждая возникновение этих болезней. Регулярное проведение свободных творческих дискуссий — лучшее средство против застоя, лучшее средство воспитания творческих кадров в духе большевистской принципиальности, научной страстности, непримиримости к проявлениям буржуазной идеологии. «Там, где нет критики и творческих дискуссий,— говорил тов. Жданов,— иссякают источники развития, укореняется тепличная обстановка затхлости и застоя...»

Метод свободных творческих дискуссий — одно из важнейших жизненных условий преуспевания и расцвета науки. Только советская, самая передовая в мире наука смогла найти диалектическое разрешение двух противоречивых тенденций современного знания: глубокой специализации ряда отраслей и необходимости широкого обобщения частных результатов. Только советская наука, порожденная новыми общественными условиями, сумела сделать метод коллективной проверки результатов исследования, метод мобилизации огромных и драгоценнейших ресурсов коллективного мышления основным элементом повседневной научной работы на всех ее этапах. Дискуссии—лучшее средство против монополий в науке, против возможности установления в ней «аракчеевского режима», как это произошло в языкознании.

Там, где нет настоящего уважения к коллективной научной мысли, там задерживается, тормозится расцвет самой науки. Нельзя не приветствовать, например, интересный почин научной общественности Московского энергетического института имени Молотова, поставившей в порядок дня обсуждение вопроса об экономической части дипломных проектов, истоки которого смыкаются с теоретическими проблемами политэкономии социализма. И странно, что это важное и полезное начинание не нашло своевременной и нужной поддержки у крупных специалистов ряда отраслей энергетики, у представителей кафедры экономики энергетики института.

Коллективное обсуждение научных проблем, развивающее активность научного работника, повышающее его принципиальность, должно стать законом жизни каждого научного учреждения, всех его звеньев. А как часто заседания ученого совета института носят чисто организационный характер, как часто защита диссертаций, на которой ученый должен действительно защищать, отстаивать свои положения, сводится к формальной процедуре.

Обсуждение научных работ не должно замыкаться в узком профессиональном кругу. Нужно смелее привлекать к нему ученых других специальностей, практиков.

Известно немало случаев, когда благодаря широкому предварительному обсуждению ряда учебников в них были своевременно устранены крупные недостатки, исправлены ошибки. Однако до сих пор существует еще такое недопустимое положение, когда учебники сдаются в печать без широкого обсуждения, когда ограничиваются лишь закрытым их рецензированием. Так, например, по поводу учебника «История государства и права СССР» раздавалось немало критических замечаний. Сейчас готовится уже третье издание этой работы, но она до сих пор так и не была подвергнута широкому обсуждению.

Большую роль в развертывании научных дискуссий призваны сыграть и научные журналы. А между тем дискуссионные отделы ведутся в них далеко не удовлетворительно. Напечатав дискуссионную статью, журнал не всегда доводит ее обсуждение до конца, не делает своих заключений, выводов, спеша начать другую дискуссию. Помещаемые для обсуждения статьи часто не соответствуют предъявляемым к ним высоким требованиям. Редакция журнала «Вестник высшей школы» открыла в № 8 за 1950 год дискуссию об освещении важнейших проблем исторического материализма в учебниках по истории опубликованием статьи, содержащей ряд ошибочных утверждений.

Задача научных журналов — не только информировать читателя о проводимых в научных учреждениях дискуссиях, но и делать материалы этих обсуждений достоянием широкой общественности. Журнал «Вопросы философии» начал печатать главы из макета II тома труда «История философии». Необходимо, чтобы философские кадры республик и областей, кафедры философии и основ марксизма-ленинизма включились в обсуждение этого труда и высказали свои замечания.

Великие задачи стоят перед советской наукой, наукой, обслуживающей народ, помогающей ему строить светлое здание коммунистического общества. Жизнь выдвигает перед нашей наукой все новые, с каждым днем усложняющиеся задачи. Развитие свободных творческих дискуссий поможет нашей науке итти в ногу с этими требованиями, добиваться новых и новых успехов, активно содействовать делу строительства коммунизма.

В населенные пункты, расположенные среди нарымской тайги в сотнях километров от областного центра, самолеты гражданского воздушного флота доставляют выборную литературу, свежие газеты и журналы.

НА СНИМКЕ: в Томском аэропорте. Погрузка в самолеты посылок с литературой для агитпунктов таежных районов области. Пилот В. Горнов принимает посылки от работника почтовой конторы П. Зоркальцева.

Фото В. ЛЕЩИНСКОГО

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 115 (2706) Суббота, 2 декабря 1950 г. Цена 40 коп.

Кандидаты великой стройки

Ник. АСАНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

I.

Эмблема строителей Куйбышевского гидроузла — пятиконечная звезда, излучающая молнии. Ночь приближается к концу, но чем дальше движемся к строительной площадке, мы обгоняем и встречаем все больше автомобилей с такими звездами.

В нашей машине идет неторопливая беседа. Один из моих спутников — инженер, возвращающийся на строительство из длительной командировки. Он принимал в Челябинске новые машины и целый час рассказывал нам о шагающем экскаваторе.

— Это очень умная машина, способная заменить тысячу человек. Представьте себе, она выбрала четырнадцатикубовым ковшом всю землю вокруг себя. Тогда она присаживается на корточки, совсем как человек, затем выбрасывает одну ногу с лыжей, переваливается на нее, поднимает вторую ногу и передвигает ее вперед. Затем выпрямляется, заносит ковш и начинает снова работать...

На этой стройке все влюблены в машины. Происходит это, вероятно, потому, что никто не может себе представить такого грандиозного строительства без самых совершенных и умных машин. Второй наш спутник, снабженец, спрашивает:

— Значит, она переваливается, как гусь?

— Ну что вы, право! — с досадой восклицает инженер. — Какой там гусь! Это огромный землекоп. Только этот землекоп своей лопатой может поднимать землю на семьдесят метров! Представляете?

Из придорожного бора выметнулся на шоссе заяц и побежал под лучами фар, загипнотизированный светом. Шофер увеличивает скорость. Кажется, мы вот-вот настигнем зверька, но в это время спасительный пригорок на мгновение скрывает зайца от пагубного света, и он порскает в сторону. Прерванный разговор возобновляется. Теперь спрашивает инженер:

— А что Протопопов?

— Что ему? Он требует своего — в первую очередь гнать электротрассу...

— А как Иван Васильевич?

— Вылетел на дорогу жизни. Там прибыл новый путеукладчик. В смену дает чуть ли не четыре километра рельсового пути. Но впереди еще мосты.

— А снабженцы?

— Эти требуют закончить автотрассу. Сами видели, сколько грузов на товарной. И сколько еще придет?

Спутники умолкают.

Мне вновь вспоминается эмблема строителей — пятилучевая звезда. Эмблема очень точно характеризует стройку. В самом деле, Куйбышевский гидроузел притягивает взоры всей страны, подобно новой, только что появившейся звезде. И если бы мы изобразили строительство на схеме, оно было бы больше всего похоже на звезду, от которой во все стороны, подобно лучам, расходятся новые дороги. Недаром начальник строительства назвал правобережную железную дорогу, на прокладке которой сейчас работают тысячи добровольных строителей из колхозов, «дорогой жизни». Дорога еще не дошла до строительной площадки, а на станции примыкания, — как говорят железнодорожники, — уже скопились сотни тысяч тонн груза. Но не менее важны и левобережное шоссе, и ледовая дорога по Волге, и высоковольтная электролиния, и подъездной путь от силикатного завода, и внутренние дороги между участками строительства. А если вспомнить, что после ледостава на Волге строительство связано с внешним миром только тем узеньким проселком, по которому идет наша машина, станет ясно, как надо торопиться с подъездными путями. Строить их надо быстро, а морозы уже сковывают землю.

— Когда встреча избирателей с кандидатами в депутаты? — спрашивает инженер и, выслушав ответ спутника, меланхолически замечает: — Трудновато Ивану Васильевичу сейчас. Стройка в самом начале, до успехов еще далеко, а избиратели, наверно, ждут от него рапорта о победах!

— Ну, наши избиратели прекрасно понимают все трудности, — недовольно отзывается снабженец. — А вы только представьте себе, в каких условиях будут работать наши будущие депутаты! Они своими руками должны выстроить два новых города, вокруг этих центров возникнут сотни агрогородов, новые сады и леса. А территория того избирательного округа, в котором их выдвинули в депутаты, окажется на дне моря!

Впереди появляются огни, и мы въезжаем в городок, над которым через несколько лет разольется море. В домах вспыхивает все больше и больше огней. Наступает утро большого строительного дня. Мои спутники молчат, вглядываясь в туман, который колеблется над городом; туман действительно похож на морские волны. И огни в доме управления строительством светятся, как маяк.

II.

Строители Куйбышевского гидроузла выдвинули двух кандидатов в депутаты областного Совета: начальника строительства Ивана Васильевича Комзина и Маргариту Владимировну Лебедеву, молодого инженера, только в этом году окончившую Куйбышевский инженерно-строительный институт.

В 1927 году, когда Комзину было 23 года, его избрали депутатом Моссовета. В то время он был техником-строителем и учился без отрыва от производства. Лебедевой тоже 23 года. Но ее жизнь протекала значительно легче, так как предыдущие поколения заложили основы, на которых строится человеческое счастье в нашей стране. А сама она стала участницей одной из тех строек коммунизма, которые призваны сделать реальностью мечту многих поколений.

Иван Васильевич Комзин прошел нелегкий путь от крестьянской избы в деревне Васильево Смоленской губернии до августовских дней пятидесятого года, о которых он сам пишет в своей автобиографии:

«21 августа 1950 года решением Совета Министров СССР удостоен быть начальником управления Куйбышевгидростроя...»

На Куйбышевский гидроузел съехались тысячи людей со всех концов страны, но каждый из них с уважением произносит имя Ивана Васильевича Комзина. Один работал с ним на Магнитке, другой — под Москвой, третий — восстанавливал вместе с ним из руин город, сожженный гитлеровцами.

Высокий, стройный, всегда подтянутый, внешне очень спокойный, человек этот обладает неистощимой энергией и способен к быстрому решению в той же степени, как и к вдумчивому анализу. В эти дни, когда строительство готовится к зиме, он сконцентрировал все ударные силы на главных участках: на постройке дорог, на монтаже механизмов, на подводке электроэнергии.

Река стала, но по приказу начальника на ту сторону все еще идут баржи и пароходы, ломая десятисантиметровый ледяной покров. А рядом дорожники уже прокладывают трассу будущей ледовой дороги, которую станут намораживать до такой толщины, чтобы волжский лед выдержал движение тракторов и тяжелогрузных саней и машин.

Маргарите Владимировне Лебедевой есть у кого поучиться!

Она учится решать важнейшие вопросы стройки. Учится большевистской прямоте и непримиримости к недостаткам, страстности и непреклонности, умению не забывать за мелочами главного.

Лебедеву, как и Комзина, воспитал комсомол. Весной этого года, окончив институт, она выбирала наиболее важный участок, где можно с большей пользой приложить свои силы. Дочь научного работника-лесовода и учительницы, она воспитывалась на традиции преодоления трудностей. И когда по примеру старшей сестры, сразу после института поехавшей на Дальний Восток, Маргарита сказала, что едет на строительство гидроузла, отец и мать подтвердили правильность выбора.

В их доме всегда пахло степным ветром и молодым лесом. «Лучше начинать жизнь на суровом ветру, чем кутаться в вату!» — это замечание отца пришлось по сердцу дочери.

Маргарита Лебедева начала свою первую самостоятельную работу с решительного спора. Главный механик опротестовал ее проект установки паровых котлов. Лебедева проверила все свои расчеты и убедилась, что главный механик не прав. Она перенесла спор в кабинет главного инженера Николая Федотовича Шапошникова— и победила. Оказалось, что она приобрела авторитет и ценность в глазах человека, с которым так жестоко поспорила, и теперь они стали добрыми друзьями. А ведь некоторые товарищи по работе уговаривали ее уступить. Но уступить — это значит отступить! А Лебедева не желает отступления.

Когда Маргариту Владимировну спрашивают, какую бы работу хотела она вести в областном Совете депутатов трудящихся, если избиратели окажут ей доверие, Лебедева решительно встряхивает светловолосой головой, голубые глаза ее устремляются за окно, где холодный ветер волочит тяжелую пыль по немощеным улицам, и говорит:

— Первый вопрос, который я хотела бы поставить, это улучшение культурного обслуживания строителей и местных жителей. Пока здесь имеется лишь маленький районный Дом культуры. Как только стала река, сюда перестали заглядывать лекторы и артисты. Даже кино не привозят...

Молодежи на стройке много, она упорна и изобретательна. Одна из подруг Маргариты Лебедевой заканчивает проект стадиона с катком и лыжной станцией. Председатель постройкома Падалко только что привез сто пар лыж и начал перевозку большой библиотеки, полученной в дар от библиотек Москвы. Получили больше пятидесяти тысяч томов. А ведь еще вчера несколько десятков переходивших из рук в руки растрепанных книжек составляли все богатство строителей.

Перед Маргаритой Владимировной Лебедевой — большое поле деятельности. И я уверен, что, когда избиратели доверят ей свое представительство в Куйбышевском областном Совете депутатов трудящихся, молодой инженер сумеет оправдать это доверие.

Мечтательность и деловую практичность сочетает в себе эта высокая, полная девушка. Иногда в ее ясных голубых глазах загорается сильный жесткий огонек, и тогда я думаю о том, как настойчиво станет она требовать внимания к нуждам избирателей. Но вот огонек становится мягким, и я знаю, — она будет рассказывать о новых городах, которые ей и ее товарищам предстоит создать здесь.

Лебедева машинально перебирает письма, лежащие на столе. Сотни писем приходят на ее имя из разных уголков страны.

«Двенадцатого ноября мы узнали из печати, что вы будете баллотироваться в Куйбышевский областной Совет депутатов трудящихся. Мы, воины Советской Армии, рожденьем из города Куйбышева, коротко ознакомившись с вашей биографией, очень благодарны своим землякам, что те выдвинули депутатом молодого патриота, воспитанника ленинско-сталинского комсомола, и мы уверены, что вы оправдаете высокое доверие народа, не запятнаете священное знамя комсомола. По поручению воинов части В. Маханов и Андреев».

Можно не сомневаться, что кандидаты строителей Куйбышевского гидроузла оправдают доверие избирателей. Перед ними почетная и огромная работа, но у советских людей всегда хватало силы и энергии на то, чтобы превратить в действительность задуманное партией и народом!

КУЙБЫШЕВСКИЙ ГИДРОУЗЕЛ

В ОБЫКНОВЕННОМ КОЛХОЗЕ

С высокого холма мы увидели внизу под горой большое селение, освещенное ровными рядами электрических фонарей. Это — Усть-Курдюм, обыкновенная русская деревня, каких много в Поволжье.

Мы приехали в поздний час, но в сельсовете было оживленно. Председатель Усть-Курдюмского сельсовета Иван Гаврилович Корнев беседовал с группой молодых колхозников.

— Готовимся к выборам,— сказал тов. Корнев.— Подготовку проверяем. Не упустить бы чего: помещение, свет, телефон, радио, дрова — все надо учесть.

Зашла речь о кандидатах в депутаты сельсовета. И здесь выяснилась характерная черта: если три года назад в числе избранных депутатов преобладали люди с низким образованием, то сейчас из 14 кандидатов двое имеют высшее, а пятеро — среднее и неполное среднее образование. Больше половины депутатов прошлого состава оправдали доверие избирателей и будут баллотироваться снова. Есть среди них и такие, кто за прошедшие три года сумел получить образование, приобрести новую специальность.

Среди кандидатов в депутаты Усть-Курдюмского сельсовета — передовые люди деревни: колхозницы Соколова, Лиханина, Хлестова, Гордеева, ветеринарный санитар Васюкова, председатель колхоза Лиханин, учитель Фролов, кооператор Ефимов, шорник Смирнов, директор лесхоза Гаранин...

Население деревни активно готовится к выборам. Работают агитаторы, люди беседуют о предстоящих делах, вспоминают прошлое.

...В официальном списке населенных мест Саратовского уезда указывалось, что до первой мировой войны в деревне Усть-Курдюм насчитывалось 167 крестьянских дворов; теперь их 360.

Горька и безотрадна была жизнь здешнего крестьянина до Октябрьской социалистической революции. Соха да деревянная борона — вот и весь сельскохозяйственный инвентарь. В покосившихся, крытых соломой избенках редко когда зажигали огонь — керосин был роскошью.

За годы советской власти преобразилась, помолодела деревня. В нынешнем Усть-Курдюме — средняя школа, лесхоз, библиотека, стационарная киноустановка. Здесь работают пятнадцать учителей, четыре врача и два врача ветеринарных, два агронома, инженер, зоотехник. Появились среди крестьян люди новых профессий — электрики, радисты, телефонисты, киномеханики, шоферы, комбайнеры. Бывшие питомцы усть-курдюмской средней школы работают сейчас в разных районах страны инженерами, врачами, юристами, агрономами, учителями.

Из года в год крепнет хозяйство колхоза. Богата деревня Усть-Курдюм. И главное ее богатство — замечательные люди.

В. БЕРЕЗНЯЧЕНКО
(Наш корр.)

УСТЬ-КУРДЮМ,
Саратовской области

Международные отклики

ЧЕРНЫЙ ВТОРНИК ТРУМЭНА И АЧЕСОНА

Господа Трумэн и Ачесон упорно пытались не допустить наступления этого дня. Но он наступил. Голос китайского народа раздался в стенах Организации Объединенных Наций. Американские держиморды не смогли этому помешать. Не помогли никакие интриги, никакие испытанные методы давления на вассальные государства.

Говоря об американских «победах» в Корее, журнал «Лайф» в начале прошлого месяца бахвалился: «С американскими бицепсами все обстоит в полном порядке. Мы думаем, что американские мозги тоже в хорошем состоянии. Об этом свидетельствует переход 38-й параллели... Соединенные Штаты доказывают своим поведением, что они представляют нечто большее, чем гигант со здоровенными мышцами».

Однако поведение делегации США в Совете Безопасности и Политическом комитете ООН свидетельствует об обратном. В своей бессильной злобе посрамленные американские политиканы потеряли над собой всякий контроль. Все свои умственные способности американские делегаты в ООН направили на то, чтобы в последнюю минуту не предотвратить — это, увы, было уже не в их власти, — нет, хотя бы на несколько часов оттянуть появление китайской делегации в зале заседаний Совета Безопасности! Смешон и жалок был господин Остин, этот далеко не первой молодости политический зубр, когда он ринулся в драку за право выступить первым.

С невозмутимым спокойствием и достоинством, выждав пока иссякнет фонтан злобных инсинуаций и бесстыдной лжи господина Остина, заговорил глава китайской делегации У Сю-цюань. От имени пославшего его великого народа он предъявил правительству США неопровержимое обвинение в преступной вооруженной агрессии против Тайвана — неотъемлемой китайской территории.

Впечатление было ошеломляющим. Начать с того, что в стенах Совета Безопасности впервые вместо английских тряпичных гоминдановской марионетки, не знающей иного языка, кроме языка своих хозяев, зазвучала китайская речь! Печать вассальных Вашингтону стран шокированно называет выступление У Сю-цюаня «высокомерным». Буржуазные писаки из стран сателлитов США привыкли к тому, что их государственные деятели говорят языком приживалок. Неудивительно, что их поразил независимый, проникнутый чувством достоинства тон посланца Китайской народной республики, изобличавшего американских реакционеров.

Трудно ожидать от послушного Вашингтону «большинства» Совета Безопасности принятия законных и справедливых требований китайского народа. Но как бы то ни было, американский империализм разоблачен и пригвожден к позорному столбу.

◆ ◆

БОНЗЫ-«ЖУРНАЛИСТЫ» ЧИНЯТ РАСПРАВУ

22 ноября на заседании австрийского парламента с провокационной речью, начиненной грубыми антисоветскими выпадами и злобной клеветой по адресу компартии Австрии, выступил депутат от «народной партии» некий Тончич. Из состояния душевного равновесия его, как оказалось, вывела опубликованная в № 94 «Литературной газеты» статья «Борьба австрийских трудящихся». Приведенные в этой статье факты Тончич взял под сомнение, как не соответствующие действительности, а ее автора — прогрессивного австрийского журналиста и члена парламента Эрнста Фишера обвинил в умышленном распространении искаженных сведений о положении в Австрии.

Визгливая болтовня распоясавшегося парламентария, может быть, не заслуживала бы особого внимания, если бы не одно обстоятельство. Как показали дальнейшие события, австрийские правящие круги от клеветнических выступлений перешли к массовым преследованиям прогрессивных журналистов.

Паническое настроение царило в правлении австрийского профсоюза журналистов в дни всеобщей октябрьской забастовки. С трепетом ожидали здесь утренней почты и в отчаянии разводили руками. Еще бы! Ряд газет — «Эстеррейхише фольксштимме», «Дер абенд», «Тагеблатт ам монтаг», «Нейе цейт», «Зальцбургер тагеблатт», «Тиролер нейе цейтунг», «Вархейт», «Фольксвилле», редакторы которых являются членами профсоюза, в нарушение всех распоряжений дают правдивую информацию о событиях и явно стоят на стороне забастовщиков.

Это накладывает пятно позора на честный штрейкбрехерский мундир правления профсоюза журналистов! Необходимо принять строгие меры к непокорным! И вот, после совещаний с «тайными и явными» американскими советниками, было принято постановление об исключении из профсоюза редакторов вышеназванных газет за то, что они «в период всеобщей забастовки печатали материалы, наносящие вред Объединению австрийских профсоюзов и противоречащие его решениям».

Творя суд и расправу над честными журналистами, социал-демократические штрейкбрехеры не остановились перед тем, чтобы исключить из профсоюза виднейшего австрийского журналиста и писателя Эрнста Фишера, избранного на Варшавском конгрессе в состав Всемирного Совета Мира. Здесь официальным поводом для исключения, как сообщила на днях служба печати Объединения австрийских профсоюзов, послужила упомянутая статья Эрнста Фишера, опубликованная в «Литературной газете». Он писал в этой статье: «...Право-социалистическое руководство Объединения австрийских профсоюзов... с первого же дня пыталось организовать штрейкбрехерство и всадить борющемуся рабочему классу нож в спину». Он называл предателей предателями, и в этом заключалась его «вина».

Исключение Эрнста Фишера из профсоюза лишний раз свидетельствует о том, как страшна правда австрийским социал-демократическим предателям и их американским хозяевам.

ЛИТЕРАТОР

Об одном ошибочном противопоставлении

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Идейное и художественное наследие великих представителей русской революционно-демократической литературы играет огромную роль в духовной жизни советского народа. Сочетание глубочайшей правдивости и народности с высокой идейностью и политической целеустремленностью, горячий патриотизм и неустанное, страстное стремление вперед, к будущей демократической и социалистической России — эти черты, отмечающие мысль и творчество великих русских революционных демократов, близки всему духу нашей жизни.

Все лучше уясняется и великое новаторское значение русской революционно-демократической литературы в мировом художественном развитии. Некрасов создал небывалую в мировой литературе классическую эпопею крестьянской жизни, в которой красота, свежесть и непосредственность образов, верных русской народно-поэтической традиции, сочетаются с самым трезвым реалистическим изображением духовного роста народных масс, их трудной жизни и борьбы. Щедрин достиг невиданного еще соединения реализма с целеустремленной сатирической мыслью. Чернышевский написал в «Прологе» непревзойденную по глубине и точности картину политической борьбы в период назревания революционной ситуации в 60-е годы, а в «Что делать?» с замечательной прозорливостью сумел заглянуть в социалистическое будущее своей родины. Перу Герцена принадлежит яркая, рельефная, богатая художественная панорама жизни России и Западной Европы 30—60-х годов XIX века.

Изучение идейных и художественных особенностей русской революционно-демократической литературы, как авангарда всего русского классического реализма второй половины XIX века, является важной задачей советской критики и литературоведения. В сборнике «Вопросы теории литературы» (Учпедгиз, 1950 г.) опубликована статья «Эстетика революционно-демократического реализма» А. Лаврецкого, давно и серьезно работающего над этим вопросом. Однако с одним из основных положений этой статьи нельзя согласиться. Автор утверждает, что существует «противоположность между реализмом критическим и реализмом революционно-демократическим». Такое противопоставление антиисторично и надуманно, оно не помогает понять характер русского литературного развития XIX века, а, наоборот, искажает его сущность.

Прежде всего такое противопоставление неизбежно ведет к недооценке глубины и широты демократического течения русской литературы, возглавленного революционной демократией.

А. Лаврецкому представляется, что «критический реализм достигает своей вершины, когда связан с дворянской революционностью. С вытеснением в освободительном движении дворян разночинцами критический реализм все больше и больше слабеет, теряет свою революционную зарядку». Но В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» определял хронологические рамки дворянского периода освободительного движения в России следующим образом: «...примерно с 1825 по 1861 год».

Поэтому, если следовать за А. Лаврецким, лучшие произведения Льва Толстого и А. Н. Островского и все творчество Чехова знаменуют собою... ослабление, падение критического реализма, утерю им своей прогрессивной роли!

По мнению А. Лаврецкого, критический реализм тем коренным образом отличается от революционно-демократического реализма, что критика первого, его «обличение было ограничено признанием незыблемости основ классового общества, неспособностью выйти своей мыслью за его пределы...»

Но неужели же толстовское обличение самого существа политического и экономического строя старой России, неужели мечта писателя о «совершенно новом устройстве человеческого общества» есть признание такой незыблемости? Ленин отличал «разум» Толстого от его «предрассудка». Несмотря на религиозные черты, присущие мечте великого писателя, Ленин видел сильную сторону Толстого в бурном протесте против всякого классового господства.

Когда Чехов в «Невесте» мечтает о том обществе, в котором «толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет... и каждый будет знать, для чего он живет», то разве не выражает он тем самым стремления к такому строю, в котором человеческая личность, каждый простой человек получат возможность полного и всестороннего развития, не стесненного уродливыми и удушливыми условиями классового общества?

Конечно, глубоко ошибочна теория «единого потока» с ее отрицанием идейной борьбы в литературе. Нельзя не видеть, например, идейных отличий, разделяющих Щедрина и Толстого. Однако также ошибочно затушевывать ту демократическую направленность, которая объединяла великих прогрессивных русских писателей XIX в. в их борьбе за будущую свободную Россию.

Повидимому, сам А. Лаврецкий чувствует шаткость своих вышеприведенных утверждений, ибо несколько дальше он заявляет: «Революционно-демократическая критика является тем узловым пунктом, через который литературе дворянского периода передаются подобно токам сильного напряжения запросы народных масс, и под ее воздействием создаются «Записки охотника», рассказы Григоровича, полные истинной народности пьесы Островского, произведения Л. Толстого и многое другое». А. Лаврецкий прав в том смысле, что революционно-демократическая критика идейно воспитывала прогрессивную, демократическую литературу и указывала, например, Толстому на его идейную теоретическую слабость и отсталость, особенно ясно проявившуюся в его педагогических статьях. Но ведь Толстой воспринимал «запросы народных масс» из самой русской действительности. Игнорировать это — значит игнорировать все своеобразие восприятия им народной жизни, гениально охарактеризованное Лениным, и заодно делать революционно-демократическую критику ответственной за слабые стороны этого восприятия. И затем, неужели же Толстой и Островский относятся к «литературе дворянского периода»? И каким образом согласовать правильную оценку произведений Островского, как «истинно-народных», с тем, что страницей раньше представители критического и революционно-демократического реализма рассматриваются как «противники»? Характерно, что, говоря о конкретных представителях критического реализма, А. Лаврецкий вынужден отступить от своей концепции, которая могла родиться лишь в результате отвлеченного теоретизирования.

Концепция А. Лаврецкого ведет к непониманию того, что русский классический реализм XIX века, вдохновленный бурным развитием русской жизни и получивший от русской революционной демократии огромную, хотя и не всегда осознанную его представителями, идейную зарядку, неустанно шел вперед, обогащая мировое художественное развитие. Уже после смерти Щедрина Толстой и Чехов в образах простых русских людей из «Воскресения» и «В овраге», например, подметили и запечатлели новые черты духовного роста народных низов, проследили дальше тот происходивший в народной жизни «рост русского человека», на который указывал великий революционный демократ Салтыков-Щедрин.

А. Лаврецкий в своей статье интересно анализирует борьбу революционно-демократической критики за высокую идейность литературы. Однако он при этом забывает указания Добролюбова о том, что правда является таким качеством художественной литературы, «без которого в ней не может быть никаких достоинств». Видя отличительные особенности революционно-демократического реализма в «осознанной тенденции, как основном условии новой художественности», и в «замене категории существующего более широкой и гибкой категорией общественно необходимого», автор приходит и к недооценке гигантского реалистического содержания русского классического реализма вообще, и революционно-демократической литературы.

Поэтому-то в другой своей работе (Вступительная статья к I тому «Избранных произведений» Н. Щедрина, 1950 г.) А. Лаврецкий дает крайне странное противопоставление «Ревизора» Гоголя—рассказу Щедрина «Приезд ревизора» (1857), играющему в его творчестве третьестепенную роль. А. Лаврецкий считает в этом рассказе главным «критику, если можно так выразиться, самой проблемы ревизора. Гоголь бьет своих «героев» тем, что заставляет их поверить в призрак их воображения — воображения взяточников и казнокрадов, поверить в мнимого ревизора, но «идея» ниспосланного свыше н а с т о я щ е г о ревизора торжествует. Гоголь верит в эту идею, и финал пьесы является ее апофеозом. Щедрин же, как бы полемизируя со своим предшественником, показывает несостоятельность самого принципа ревизора».

Так принижается идейное и реалистическое содержание творчества Гоголя, которого Щедрин считал «величайшим из русских художников». Вспомним слова Ленина об идеях Белинского и Гоголя, «которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси...»

Чернышевский подчеркивал, что Гоголь «понимал необходимость быть грозным сатириком». А. Лаврецкий превращает Гоголя в апологета «ниспосланного свыше» настоящего ревизора, т. е. николаевского режима. Схоластическое противопоставление революционно-демократического реализма и критического реализма ведет к недооценке значительной части нашего классического художественного наследия.

Но советские люди, завоевавшие не виданное еще в истории богатство духовной культуры, гораздо более творчески, живее, ярче, глубже и шире, чем то вытекает из этой схоластической схемы, воспринимают все великое прогрессивное классическое художественное наследие. В свете всемирно-исторических побед советского народа стало особенно ясным, как многим мы обязаны всем лучшим национальным традициям русской культуры прошлого, среди величайших представителей которой товарищ Сталин, наряду с Белинским и Чернышевским, назвал Толстого и Чехова.

ДЕКАДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Сулейман РУСТАМ

П О Э Т

ИЗ СТИХОВ ОБ ИРАНСКОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Поэту Али Фитрету, зверски убитому иранскими реакционерами

Вьются волосы седые, и в глазах печаль видна.
По безлюдным переулкам он скитается без сна.
Он сидит в каморке мочью и упрямо бродит днем.
Все в заплатах и лохмотьях иней рубище на нем.
Исхудалый и согбенный, одинокий и немой,
Так он в нищенском наряде бродит летом и зимой.
В час осеннего ненастья или в час дневной жары
Он обходит мерным шагом тегеранские дворы.
Он, как врач, обходит за день все жилища бедняков —
От подвалов полутемных до высоких чердаков.
А ночами сам в лачуге, задыхаясь от тоски,
Шепчет яростные строки и сжимает кулаки.
Нет ни лампы, ни коптилки, чтоб рассеять в доме тьму,
Только собственное сердце освещает путь ему:
Всех родных его сослали, всем друзьям грозит тюрьма.
Говорят, что от печали болен он, сошел с ума.
Но поэту нет покоя, но суров поэта взор.
Он стихи свои слагает, словно пишет приговор.

Только кончится ночная невеселая пора,
На рассвете, вместе с солнцем он выходит со двора,
Он шагает через город, поседевший ветеран,
И в лицо поэта знает весь бездомный Тегеран.
Как ни жмут его заботы, как ни гнет его нужда,
Эту голову седую он не склонит никогда.
Он от правды не отступит, он с дороги не свернет.
— Эй, лжецы и лицемеры, прочь с пути! Поэт идет!
— Ты безумец, проходимец! — господа кричат в ответ.
Как им знать, что перед ними не бродяга, а поэт,
Как им знать, что перед ними не безумец, а пророк,
Автор светлых, вдохновенных и всегда правдивых строк.
Там грозят ему побои, здесь жандарма острый взгляд.
Этот в бок его шпыняет, тот орет ему: — Назад!
Здесь грозят за непокорность засадить его в тюрьму,—
Что газеллы для жандарма, что поэзия ему?!
Здесь поэту нет приюта, здесь искусство под судом,
Здесь всего важней на свете то, что скажет Белый Дом.
А поэта гонят в шею, попрекают и бранят:
«Полоумный, попрошайка, стань, замри, ступай назад!..»
Палачи его из виду не упустят ни на миг.
У него ведь только песни, а оружие у них.

Вьются волосы по ветру и упрямо стиснут рот.
Он дорог не выбирает, он без адреса идет.
Он находит те кварталы, те глухие уголки,
Где ютятся из Сараба и Тавриза бедняки.
Он прочтет им все, что создал и обдумал в эту ночь,
Чтоб одних утешить словом, а другим в беде помочь.

Ты тяжел под знойным небом, бедняка тернистый путь!
Вот свернул он в переулок, чтоб немного отдохнуть.
Вот он видит дом заветный и дощечку у дверей,
Вот к парадному подъезду он подходит поскорей.
«Здесь Советское посольство» — на дверях читает он.
Это явь или виденье, это правда или сон?
Над широкими дверями алый стяг горит огнем,
Перекрестьем серп и молот шелком вышиты на нем.
И стоит поэт под стягом, будто клятву он дает,
И потом все тем же шагом на окранну идет.
Но скажите, что такое, почему за рядом ряд
У окранны стеною полицейские стоят?
Чтобы свой дворец роскошный оградить от нищеты,
Это шах везде расставил полицейские посты.
Полицейскою заставой навсегда отделены
Брат от брата, мать от сына, муж от любящей жены.
Сквозь военные заставы никому проходу нет.
Почему же стихли люди, почему молчит поэт?
Нет, и в этот раз седая не склонилась голова.
И поэт в толпу кидает вдохновенные слова.
Пусть везде стоят пикеты, пусть вокруг горят штыки,—
Люди слушают поэта, сжав до боли кулаки.
Люди слушают с волненьем голос старого певца,
И решимостью и гневом закипают их сердца...

Но за правду в Тегеране ждет поэта страшный суд.
Вот его уже схватили, вот в тюрьму его ведут.
И с товарищами вместе он идет в одном строю,
В этот страшный час слагая песню лучшую свою.
Руки скованы железом, скорбно сжат упрямый рот,—
С непокрытой головою на страданья он идет.

Палачи ведут поэта, чтоб в тюрьме его сгноить,
Воскресить для новых пыток и потом опять убить.
Он сейчас со лба не может отереть горячий пот.
Он о милости не просит и прощенья не ждет.
Вьются волосы по ветру, и свободно дышит грудь.
Так ведут они поэта в скорбный путь, в последний путь.
Пусть поэт сейчас в неволе, за решеткой, в кандалах,
Никогда не стихнет песня в человеческих сердцах.
Даже скованный цепями, он идет, врагам грозя,—
Ни купить его, ни спрятать, ни убить его нельзя.
Пусть его законопатят в одиночную тюрьму,
Пусть на дыбе деревянной кости вывернут ему,
Пусть ведут его на пытки, оценив со всех сторон,
Пусть тюремщикам награду обещает Вашингтон.
Пусть ведут они поэта. Бой не кончен. Близок суд.
Есть бессмертье у поэтов — песни их всегда живут!

Перевел с азербайджанского
Мих. МАТУСОВСКИЙ

В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

В переполненном Колонном зале Дома союзов в Москве в четверг, 30 ноября, торжественно открылась декада азербайджанской литературы и искусства. Около двух тысяч писателей, артистов, передовиков московских предприятий, студентов, воинов Советской Армии горячо встретили посланцев Советского Азербайджана.

Всесоюзный смотр творческих достижений литературы и искусства Азербайджана отражает невиданный расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры азербайджанского народа. В республике достигнута сплошная грамотность. В несколько десятков раз по сравнению с дореволюционным временем выросло количество изданных книг. Ежегодно сотнями тысяч экземпляров издаются произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, книги Льва Толстого, Гоголя, Горького, Маяковского, произведения классиков и современных азербайджанских писателей. На азербайджанский язык переведены многие выдающиеся произведения современных русских писателей и писателей других национальных республик нашей Родины.

Открывая декаду, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР Н. Тихонов тепло приветствовал приехавших в Москву выдающихся азербайджанских писателей и артистов.

Под овацию всего зала в почетный президиум было избрано Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным — лучшим другом советской литературы.

Вступительное слово произнес председатель правления Союза советских писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов. Под аплодисменты всего зала он заявил:

— Мы знаем Москву, как самого взыскательного, строгого и требовательного ценителя. То, что нравится Москве, нравится всем народам, всему миру. То, что скажет Москва, это всегда правда, и эта правда помогает дальнейшему развитию и прогрессу.

На вечере с чтением своих стихов выступили выдающиеся поэты Советского Азербайджана Самед Вургун, Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Расул Рза. Переводы из современной азербайджанской поэзии прочли поэты А. Жаров, П. Антокольский, П. Железнов, П. Панченко, П. Шубин, народная артистка СССР Е. Гоголева, заслуженная артистка РСФСР В. Обухова, заслуженный артист Грузинской ССР В. Брагин, артисты А. Консовский и Б. Моргунов.

С успехом прошел концерт мастеров искусств Азербайджана. Он продемонстрировал высокую идейность и возросшее мастерство азербайджанского искусства.

Вчера, 1 декабря, вечер-концерт азербайджанской литературы и искусства состоялся в Центральном доме культуры железнодорожников. Сегодня участники декады выступят в ЦДКА им. М. В. Фрунзе. В Центральном доме литератора открылась выставка азербайджанской книги.

1 декабря в Центральном доме литератора открылась выставка книг азербайджанских писателей. НА СНИМКЕ: азербайджанский поэт Сулейман Рустам надписывает свои книги Аркадию Первенцеву и Николаю Грибачеву.
Фото Е. ТИХАНОВА

И. ГРИНБЕРГ

Тусклые образы

По страницам журнала «Звезда Востока»

Весомы и зримы победы узбекского народа. Они воплощены в огнях мощной Фархадской ГЭС, в достижениях научно-исследовательских институтов, в урожаях хлопковых полей. За всеми этими успехами стоит человек сталинской эпохи. Мысли и чувства рядовых строителей коммунизма так же прекрасны, как их дела. Писать о них — людях, которые за недолгий срок, меньший, чем жизнь одного поколения, шагнули от феодализма на подступы к коммунизму,—большое счастье!

Рост нашей социалистической жизни определяет и характер задач, стоящих перед редакцией журнала «Звезда Востока». Читатель ищет на его страницах встреч с героями, достойно воплощающими огромный опыт человека нашей эпохи, его широкий кругозор и разносторонность интересов, благородство отношений, рожденных социалистическим обществом.

Однако подобные встречи редки. В десяти номерах «Звезды Востока», вышедших в текущем году, напечатано довольно много очерков, посвященных передовикам промышленности и сельского хозяйства Узбекистана. Но большинство из них написано сухо, без вдохновения и страсти. Авторы ограничиваются канцелярской описью, сухой информацией, сдобренной трафаретной «лирической» виньеткой.

В очерке с обещающим названием «Женщина, покорившая пустыню» (№ 2) Саид Ахмад на двух с половиной страницах торопливо приводит цифры, свидетельствующие об успехах колхоза, сообщает анкетные данные героини очерка и, завершив это пейзажной «концовкой» («Где-то кричал перепел. Вдали виднелись фиолетовые тени величавых гор».), считает свою задачу исчерпанной.

А ведь Саид Ахмад — одаренный писатель, и трудно поверить, что он не может написать ярче, содержательнее, поэтичнее об Адалят Асрановой — девушке, руководившей постройкой кишлака, который назван ее именем. Значит, все дело в нетребовательности редакции и самого автора, в следовании убогому штампу, который сказывается и в очерках Уткура Рашидова «Дочь народа» (№ 2), Маджида Усмана «В одной махалле» (№ 3), Ал. Шмакова «В кишлаке Ак-Тепе» (№ 5). Здесь авторы тоже тяготеют к протоколу, к анкете, к отчету.

«Документы — лучшие свидетели!»,— утверждает М. Ляховский в очерке «В одном колхозе» (№ 7). Спору нет. Документы — свидетели хорошие и нужные, но только в том случае, если они помогают постигнуть характер живых советских людей в их трудовой практике, с их многообразными растущими запросами и планами.

Нам вспоминается и Хамракул Турсункулов, председатель прославленного колхоза им. Кагановича, колхоза, победившего пустыню и видевшего на своих полях представителей зарубежных стран, и знатный садовод Ризамат Мусамухамедов — ученик Мичурина и Лысенко, щедро и увлеченно передающий свой опыт виноградарям Молдавии, и широко известный в народе композитор Тохтасын Джалилов. Каждый из них — неповторимая, яркая личность, человек в самом чудесном, горьковском понимании этого слова, рожденный советским строем, воспитанный и вращенный большевистской партией. Когда же мы читаем очерки об этих людях, то узнаем лишь внешние факты их биографии и показатели производительности труда. Очеркам, помещенным в «Звезде Востока», нехватает лучших черт, которые характерны для советского очерка: глубины анализа явлений, полноты характеристик, цельности повествования.

Поэзия советской жизни слабо раскрыта и в повестях и рассказах, опубликованных в журнале. Действие «Язъяванской повести» Хамида Гуляма (№№ 1, 2 и 4) происходит в колхозе; героиня ее, председатель артели Саодат Ахмеджанова, поднимает людей на освоение бесплодной степи. Но «движет» повествование не этот столь типичный поступок героини, а надуманная, искусственная интрига. Автор прибегает к нехитрой «механике» похищаемых писем, нелепых недоразумений, затянувшейся путаницы. Семейное счастье героини в течение долгого времени находится под угрозой, которая оказывается в конце концов мнимой. Сбившийся было с пути муж председательницы колхоза молниеносно перерождается, подозрение в том, что он похитил письма, которые посылал Саодат с фронта ее друг, также быстро рассеивается, виновным оказывается некий Саткынбай (разумеется, завхоз — такая уж это незадачливая специальность!), который, впрочем, и не появляется в повести. Так неловко распутывается эта пустая, сочиненная «коллизия». Она-то, к досаде читателя, и заполнила «Язъяванскую повесть». Живое колхозное дело осталось за пределами произведения. О нем говорят только на собраниях — говорят длинно, сухо, отвлеченно.

Аскад Мухтар, автор повести «Там, где сливаются реки» (№№ 7, 8, 9), один из самых обещающих представителей талантливой молодежи, уже много сделавший для развития узбекской поэзии. В поэмах А. Мухтара «Сталевар» и «На большом пути» отчетливо видно стремление создать поэтический рассказ о сегодняшнем индустриально-колхозном Узбекистане, о его строителях — людях новых профессий, новой морали и нравственности. В творчестве Мухтара благотворно сказывается освоение достижений русской советской поэзии — отказ от условного архаического украшательства, еще препятствующего некоторым поэтам передать новизну социалистической жизни. Обращение Аскада Мухтара к прозе не может, конечно, не вызвать вполне заслуженного интереса.

Ценность замысла А. Мухтара, стремящегося рассказать обстоятельно и всесторонне о рабочем классе и научно-технической интеллигенции советского Узбекистана, очевидна. Важна основная тема, выдвинутая автором и определенная одним из действующих лиц, парторгом завода Даниловым: «Сейчас на завод идет наука. И не в гости, не для того, чтобы побыть, посмотреть и уйти, а через широко открытые ворота, основательно, навсегда». Интересно намечены герои—«учитель узбекских металлургов» уральский мастер Василий Иванович Пугачев, его ученик и приемный сын Сали Садыков, молодой инженер Манзура Юсупова. Они-то и «ведут» науку на производство, стирая грани между физическим и умственным трудом. Рассказывая о своих героях, Аскад Мухтар избегает чужеродных, боковых, сторонних мотивов, заслоняющих, как мы видели на примере «Язъяванской повести», жизненную правду; он «идет прямо на предмет», сосредоточивает свое внимание на избранной им теме.

Однако тема эта получает отвлеченное, умозрительное решение. Слишком много общих фраз произносят персонажи, фраз, в которых не обнаруживается подлинный человеческий характер. Слишком бегло, а потому расплывчато очерчены фигуры парторга Данилова, Олега Харченко, Ганиева, Нуриддинова и других героев повести. Двойственность инженера Саттарова показана неглубоко, противоречивые качества механически связаны в характере героя, и потому многое в отношениях его с Манзурой не имеет прочного психологического обоснования.

Произведение А. Мухтара обсуждалось в Союзе писателей Узбекистана. Были отмечены ошибки, допущенные автором и переводчиком Н. Ивашевым. Краткий отчет об этом обсуждении напечатан в девятом номере журнала одновременно с заключительными главами произведения. Однако промахи писателя и переводчика, замеченные литературной общественностью, не попали в поле зрения редакции. А ведь ее прямой обязанностью было помочь талантливому поэту, впервые выступающему в области прозы.

Лишь изредка в журнале появляются произведения, которые могут дать должное представление об успехах литературы Узбекистана. К их числу принадлежит драма Камила Яшена и Амина Умари «Хамза» (№ 3). Она охватывает последний период жизни и деятельности выдающегося революционного поэта и музыканта Хамзы Хаким-заде Ниязи. Перед нами возникает героический образ пламенного патриота, непримиримого борца с эксплоататорами, врагами народа и партии.

Картина смерти Хамзы, зверски умерщвленного кулацкими агентами, вызывает ненависть к подлым убийцам и к тем, кто стоит за их спиной. Надо, однако, сказать, что авторам следовало более наглядно и обстоятельно вскрыть связи между империалистической реакцией и пошедшими к ней в услужение носителями реакции феодальной. Тогда мы яснее увидели бы лицо подлинных организаторов убийства Хамзы, ныне еще дальше ушедших по пути провокаций, преступлений и диверсий.

На страницах «Звезды Востока» встречаются хорошие стихи, отражающие политическую страстность и образную силу узбекской поэзии. От имени народа требует жестокой кары поджигателям войны Мирмухсин. Задушевные, сильные и нежные слова находит Тураб Тула в своем стихотворении «Родина». Но здесь же печатаются и во многом условные, «декоративные» произведения, написанные по давно устаревшим канонам. К сожалению, это в большой мере относится к подборке стихов «Тебя поем, родной Узбекистан!», опубликованных в первом номере журнала, посвященном 25-летию республики. Здесь, в стихах Т. Тулы, М. Бабаева и русской поэтессы Светланы Сомовой снова и снова возникают примелькавшиеся «чаши вина», «горлинки», «тюльпаны».

Но узбекские поэты все решительнее отходят от мешающих им нежизненных традиций. «В чем тайна обаяния весны?» — настойчиво допытывается поэт Шукрулла, и мы видим, как учится он передавать подлинную поэзию наших дней, как, споря с привычными фиалками и мотыльками, входит в поле его зрения радостный, свободный труд. Это упорное, порою не сразу дающееся овладение новыми принципами мастерства должно получить поддержку в направляющей редакторской руке, в умном совете критика, наконец, в освоении передового опыта товарищей по перу. Ведь достижения писателей Узбекистана умножаются, и новые произведения свидетельствуют о росте всех отрядов узбекской литературы. Между тем роман Айбека «Ветер с золотой долины», поэма Аскада Мухтара «На большом пути», пьеса Камила Яшена «Генерал Рахимов» и другие талантливые произведения прозаиков, поэтов и драматургов республики до сих пор не нашли места на страницах «Звезды Востока».

Отсутствие твердого направления в работе редакции, ограниченность представлений о задачах журнала дают себя знать и в других его разделах. Как нельзя более показательны в этом отношении дружеские эпиграммы и шаржи, заполняющие заключительные страницы большей части номеров. Здесь зачастую идет речь о таких мелочах писательской профессии, которые интересны только узкому кругу литераторов, а следовательно, не могут претендовать на внимание читателя, не питающего никакого интереса к кулуарным «сенсациям».

Особо следует отметить недостатки в работе одного из важнейших отделов журнала — отдела критики и библиографии. Здесь преобладающее место занимают статьи и рецензии, посвященные авторам «Звезды Востока». Надо сказать, что произведения, напечатанные в предыдущих номерах, подчас подвергаются строгому и справедливому разбору. Появление таких статей вполне законно. Но возникает вопрос: почему ряд недостатков в опубликованных ранее произведениях не был устранен рукой взыскательного редактора?

Статьи и рецензии, печатающиеся в отделе критики, рассматривают работу отдельных писателей вне связи с общими успехами и задачами социалистического искусства. В итоге появляются «монографии» о творчестве Александра Удалова, Андрея Иванова, Александра Сечко, Светланы Сомовой и других прозаиков и поэтов. Мы узнаем, что данный автор в новой своей книге «сделал шаг вперед», но лишь по отношению к его же собственным, ранее написанным произведениям, а не в свете развития всей литературы. Поэтому дельные замечания, встречающиеся в статьях Г. Владимирова, С. Лиходзиевского, Вит. Полелова, так и остаются несобранными, лишенными ясного и точного направления и прицела.

Центральная печать выступала с резкой критикой «Звезды Востока», указав на многие существенные недочеты в работе журнала. Эти недостатки вполне устранимы. Писатели Узбекистана располагают всеми возможностями для того, чтобы создать журнал, достойно отражающий жизнь страны, организующий и воспитывающий литературные силы республики.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А. МАРЬЯМОВ

Свет нашего дня

Очень молодой, очень счастливый и жизнерадостный человек идет по Москве. Еще и года не прошло с тех пор, как окончилась война. Только что сняты погоны с гимнастерки. Пришел долгожданный день возвращения в родной город — возвращения после пятилетней разлуки. Щедрым июльским солнцем освещены улицы, дома, лица встречных. Это неугасимое, ясное и праздничное солнце освещает всю жизнь, приветливо открывающуюся перед молодым человеком, только что возвратившимся из трудного, долгого, но завершенного счастьем победы пути...

Вот начало повести Юрия Трифонова «Студенты», напечатанной в журнале «Новый мир».

Уже первые страницы этой повести радуют и привлекают достоверностью портретов, психологической точностью, правдивостью и конкретностью деталей.

О «Студентах» можно говорить, как о первом крупном литературном произведении, опубликованном Ю. Трифоновым. До этого он напечатал лишь рассказ «В степи», помещенный в альманахе «Молодая гвардия» два года тому назад, когда автор еще был студентом Литературного института. В этом рассказе, описывающем уголок жизни в отдаленном овцеводческом совхозе, природа была показана лучше, чем люди, некоторая условность отмечала человеческие образы, литературный багаж ощущался более, чем реальный жизненный опыт. Зато казахская степь была написана тонкой словесной акварелью, и весь рассказ согрет был горячей увлеченностью, искренностью симпатий и неприязни. За недостатками повествования ощущалась молодость автора, но уже и в этом первом рассказе угадывался несомненный литературный талант.

Молодость автора ощущается и в «Студентах». Ее легко подметить не только в том, что образы Вадима Белова и его сверстников удались Ю. Трифонову лучше, нежели изображение героев, принадлежащих к старшему поколению (не то, чтобы портреты этих старших героев были неверны; но сразу чувствуется внезапная скованность, которая вдруг сменяет свойственную Трифонову щедрость деталей, едва принимается он за какой-либо из этих портретов). Молодость чувствуется и в самой манере письма, в щедрой детализации, которая приходит как бы от первого удивления перед силою слова, способною передать все, что видит человек, все, что думает он и что чувствует.

Главная тема «Студентов» не нова. Студенческому коллективу, дружному, живущему всеми интересами страны и стремящемуся к общей высокой цели, продиктованной этими интересами (Вадим Белов — яркий и типичный представитель этого коллектива), противопоставлен индивидуалист, падающий тем глубже, чем дальше он отходит от коллектива, чем резче отделяет он личные свои устремления от устремлений, владеющих остальными его товарищами. Таким индивидуалистом оказывается Сергей Палавин, давний школьный приятель Вадима.

Подобная ситуация встречалась уже и в прозе и в драматургии. В повести Ю. Трифонова, однако, этот многократно использованный конфликт освещен с большой глубиной и достоверностью; а кроме того, повесть эту обогащают еще и многие побочные линии, нередко привлекающие к себе не меньший читательский интерес, нежели взаимоотношения Белова и Палавина.

Приметы времени ощущаются в книге со всей ясностью. Действие происходит зимой и весной минувшего года, и датировка эта не произвольна; она достоверна не только потому, что точно даны приметы памятной ранней и жаркой прошлогодней весны; и даже не потому только, что достоверен круг споров и интересов, названия обсуждаемых книг или содержание газетных телеграмм о текущих политических событиях. Дело, конечно, в том, что сами герои повести наделены чертами, свойственными именно нашему времени.

Эти новые черты сказываются в широте кругозора, в обилии и прочности знаний, во взглядах на любовь и на дружбу, в подходе к проблемам воспитания и самовоспитания, в отношении к семье.

Хорошо обрисована естественная, равно владеющая всеми героями (кромe разве Сергея Палавина да Лены Медовской) потребность в коллективном разрешении всех важных, — зачастую даже сугубо личных, — вопросов. Потому комсомольская жизнь курса неотделима от жизни каждого из героев повести. Из немногих, рассыпанных в различных главах штрихов вырастает чрезвычайно симпатичный образ секретаря курсового бюро, Спартака Галустяна — юноши искреннего, честного и прямого.

Полнокровная достоверность портретов вообще свойственна этой книге — даже в том случае, когда портрет писан с лица, играющего в повествовании лишь эпизодическую роль. Живописно и верно, то с улыбкой, то с жесткой протокольной точностью, то со злой издевкой, — смотря по тому, каков объект, — показывает Трифонов студентов на катке, повествует о собрании заводского литературного кружка, изображает визит Палавина к профессору-формалисту.

Сочность «бытописания» и достоверность многих образов составляют пока наиболее сильную сторону Ю. Трифонова. Когда же начинаешь вдумываться в то, как построен сюжет и как разрешены намеченные автором проблемы, то обнаруживаешь некую рационалистичность, нарочитость противопоставлений, при которых геометрическая прямолинейность берет верх над сложностью действительной жизни.

Сюжет построен, примерно, так:

В первый день после возвращения своего в Москву Вадим Белов встречается со своим другом детства Сергеем Палавиным. Вчерашние бойцы Советской Армии, они поступают в педагогический институт, чтобы продолжать прерванную войною учебу. Первые две главы обнимают двухлетний период, — собственно, это лишь вступление к повести. Начинается же она, по существу, лишь с момента, когда герои переходят на третий курс института.

Перед институтом Вадим не видел своего приятеля много лет: они расстались мальчишками. Теперь он узнает Сергея заново. И он видит, как из мелких черточек, которые прежде не привлекали к себе внимания (а если и привлекали, то казались признаками незаурядности Сергея, его одаренности), развиваются теперь отталкивающие свойства характера, присущие людям иного, чуждого общества, иного — буржуазного — мира. Своекорыстие, карьеризм, эгоистическое стремление к собственному благополучию, готовность добыть это благополучие любою ценой, — вот что начинает различать теперь Вадим в поступках Палавина. Со всей прямотою и резкостью говорит он об истинном моральном облике Палавина на бюро курсовой комсомольской организации. Мелкий, нечистый человечек предстает перед однокурсниками, в чьей среде Палавин пользовался до сих пор авторитетом.

Оказывается, что знания его были дилетантскими; комсомольская активность — показной. Да и вообще-то поступил Палавин в педагогический институт не по призванию, а просто потому, что полагал, будто ему легче будет здесь «выделиться», так как конкурс был невелик и поступавшие показались ему «серенькими». Вдобавок ко всему раскрылся еще и грязный поступок, совершенный Палавиным по отношению к девушке, которая его искренно любила.

Комсомольская организация выносит Палавину строгий выговор с предупреждением. Взыскание он переносит тяжело, собирается перейти на заочное отделение, уехать из Москвы. Однако заканчивается повесть оптимистически: Сергей Палавин вновь приходит в институт и в финале шагает вместе с однокурсниками в рядах первомайской демонстрации.

Наряду с разочарованием в друге, Вадим переживает разочарование и в своей первой любви. Лена Медовская во многом напоминает Палавина. У нее легкое отношение к жизни; новым платьям и урокам «вокала» уделяет она больше внимания, чем основной своей учебе; любит видеть вокруг себя «поклонников», собирать на вечеринки пустеньких остряков... Лена и к Вадиму относится, как к очередному «поклоннику»: не отталкивая его, но и не дорожа серьезностью и глубиной владеющего им чувства.

Поняв, что представляет собою Палавин, Вадим начинает разбираться и в свойствах Лены Медовской. Недавнее чувство, привлекавшее его к Лене, сменяется зарождающейся любовью к сестре одного из однокурсников Вадима, — Андрея Сырых, — Ольге.

К сожалению, Ольга написана несравненно бледнее, чем Лена Медовская. Автор здесь вывел формулу почти математическую: «Ольга противостоит Лене так же, как Вадим противостоит Сергею». Но такое построение идет в гораздо большей степени от литературных традиций, нежели от жизни. Учеба в сельскохозяйственном техникуме — лишь ярлычок на портрете Ольги. Сцена в лесу, когда Вадим и Ольга идут на лыжах и теряют лыжню, написана превосходно, но все же, в целом, в образе Ольги черты «лесной отшельницы» преобладают над описанием характера реальной советской студентки.

К тому же условно само распределение пар: Вадим — Ольга, Палавин — Медовская. По принципу духовного подобия построена геометрическая фигура — некий равносторонний четырехугольник.

Точно так же противопоставлены и матери героев: Вера Фадеевна Белова и Ирина Викторовна Палавина.

Ю. Трифонов хотел доказать неоспоримо верное положение: характер человека во многом формируется семьей, домашним воспитанием. И только для подтверждения этой истины существуют в его повести обе матери — Вера Фадеевна, относящаяся к Вадиму, как старший друг, и Ирина Викторовна, потакающая всем прихотям сына. Дополнительных черт они лишены.

Очень мало показаны педагоги, формирующие героев повести. Подробнее других обрисован литературовед-формалист Козельский. Выводя его, Трифонов также пытался построить геометрическую фигуру, основанную на противопоставлении: с Козельским должны бы контрастировать Кречетов и Сизов. Но тут читатель должен принимать на веру слова о хорошем отношении студентов к Кречетову, так как сам он в действии почти не показан. Портрет декана факультета Сизова несколько конкретнее, чем портрет Кречетова, но во взаимоотношениях со студентами не показан и он.

Схематичны эти образы, вероятно, и потому, что в значительной мере условен и самый институт, в котором обучаются герои книги. Он назван педагогическим. Но слишком редко вспоминает об этом автор, слишком мало задумываются над будущей своей профессией студенты.

Лишь как иллюстрация тезиса о связях студентов с внеинститутской жизнью описано и шефство над заводским литературным кружком. В связанных с этой линией эпизодах повести отчетливо чувствуется меньшее знание материала.

Если обобщить недостатки повести, то окажется, что порождены они преимущественно двумя причинами: неравномерным знанием описываемого материала (это относится не только к событиям, но и к героям) и облегченностью сюжетных ситуаций. Из этой облегченности, — из стремления побыстрее и полегче обойти все острые углы, — возникает и «всепрощение», которое Трифонов внезапно проявляет и к Сергею Палавину, и к Лене Медовской, и даже к профессору Козельскому, — человеку весьма и весьма далекому от нашего общества. Если возможность перевоспитания Сергея и (правда, в меньшей степени) Лены обусловлена развитием повести, то возвращение Козельского на университетскую кафедру вызывает у читателя прямой протест.

Кстати сказать, отсутствие подобного всепрощения было очень приятно в первом рассказе Трифонова, упомянутом в начале этой статьи. Там появлялся ветврач Скворцов, многими чертами напоминающий Козельского, и Трифонов со всею решительностью убирал его с пути остальных героев. В повести эта решительность ему изменила. Потому и концовка «Студентов» оставляет впечатление скомканности: узлы, завязанные в предыдущих главах, не развязываются здесь, а поспешно рубятся автором.

Как мы видим, недостатков в «Студентах» еще немало. Почему же повесть эта сразу привлекла к себе читателей, вызвала споры в среде молодежи?

Больше всего привлекает к повести ее искренность, атмосфера большой моральной чистоты, полнокровный реализм студенческих образов, обилие эпизодов, насыщенных подлинной поэзией. Поэтичны в повести описания Москвы. Отличны картины студенческой жизни: зимняя сессия, именины в общежитии, новогодний капустник, экскурсия в Третьяковскую галлерею, работа на прокладке газопровода, волейбольный матч.

Настоящий литератор — умный и наблюдательный — чувствуется в каждом из этих портретов и эпизодов. Тем важнее предупредить его с первых же шагов: облегченность и чрезмерное увлечение необязательными деталями, наносящее иногда ущерб главному замыслу, представляют собою немалую опасность; гладкая «беллетристика» может, в конце концов, подменить собою литературу, настоящее реалистическое искусство.

В «Студентах» такой подмены еще не произошло; есть лишь черточки, дающие основание для профилактического, так сказать, предупреждения. В целом же, при всех своих недостатках, первая повесть Юрия Трифонова представляет собою несомненную удачу. Это правдивая, взволнованная книга о молодом человеке нашего времени. Ясный свет нового дня ярко освещает ее молодых героев и открывающуюся перед ними широкую и прямую дорогу.

Ю. Трифонов. «Студенты». «Новый мир». 1950, №№ 10, 11.

Лев КАССИЛЬ

Поэма о защитниках мира

Без малого четверть века работает в нашей детской литературе поэт Н. Саконская. Тысячи и тысячи малышей впервые научились распознавать краски окружающего их мира по книжке Саконской «...Про четыре цвета». Дети самых разных возрастов распевают известную песенку Саконской о метро; самые младшие хорошо помнят поэтичные, легко ложащиеся на детский голос, полные живых разговорных интонаций стихи «Подружки», «Ягодка по ягодке», «Березка»; дети постарше знают стихи Саконской, в которых поэт как бы напутствует своих подрастающих друзей («В добрый путь!»), ведет их в жизнь по заманчивой «Тропинке», воспевая для них дружбу («Память и верность») и бесстрашие советских людей, приступом берущих труднейшие препятствия на пути к победе («Все в порядке!»).

С годами поэтический голос Саконской заметно крепчал. Стихи ее постепенно мужали, не теряя при этом своей теплоты, особенно тогда, когда поэт, преодолев известную творческую робость, прежде сковывавшую стих, смело и образно решал большие темы дружбы, воинского долга, труда. В этих стихах Саконская вместе с маленьким героем одного из своих стихотворений могла бы сказать:

И стала мысль моя тверда
И тверд и ровен почерк.
Как счастлив человек, когда
Он знает, может, хочет.

Этим твердым окрепшим почерком написала Саконская одну из своих лучших вещей, посвященных памяти А. Гайдара, — «Судьба барабанщика», отличную балладу о писателе-воине. Ощущение новых творческих сил позволило Саконской взяться за сравнительно большие по объему произведения. Такова поэма «Светлое имя», где замысел поэта привел в послевоенные годы московскую комсомолку с путевкой МК ВЛКСМ в тот самый район, в котором бесстрашно встретила смерть Зоя Космодемьянская. Сопоставление бессмертного подвига Зои и озаренного его светом сегодняшнего комсомольского задания, которое получила молодая воспитательница юных пионеров, как бы продолжающая Зоино дело, составляет содержание поэмы. Но она несколько статична; в ней лишь дана заявка на многообещающий сюжет, которому не дано развития, необходимого для настоящей поэмы.

Более действенно, в соответствии с требованиями большого замысла, развивается повествование в новой большой поэме Н. Саконской «Плащ партизана», напечатанной в журнале «Пионер» и сейчас вышедшей отдельным изданием в Детгизе.

Поэма повествует о жизни семьи докера в одном из больших портовых городов Франции. Отец, в прошлом партизан, боец Сопротивления, видит, что свобода родины, отвоеванная отважными и простыми людьми, безымянными героями, продана с торгов иноземным хищникам. Как истинный француз, он швыряет за борт разгружающегося корабля американские ящики со снарядами. Старый докер погибает от пули полицейского офицера. Гнусное убийство вызывает грозный гнев миролюбивых людей. Люди объединяются, чтобы дать отпор зачинщикам войны.

Плывут разбойничьи суда,
И негде им пристать...
Идут с оружьем поезда,
Чтобы вернуться вспять...

И маленькая осиротевшая Жанна вместе с матерью-вдовой, продолжая дело погибшего отца, идут собирать подписи под Воззванием сторонников мира, укрывшись старым партизанским плащом отца, — они идут сквозь мрак, ветер и дождь, который «на пути у них встает тюремною стеной». Они «заходят в каждый дом, стучат во все лачуги». И везде их встречают, как друзей, дают отогреться и бережно берут в руки заветный листок, который мать и дочь принесли в кармане отцовского плаща. И Жанна видит, как растет «колонна строк» подписей.

Какая мудрость в том листке!
Какая правда в том листке!
Какая сила в нем!..
В нем жизнь и счастье всех детей,
В нем утро их весны,
Простой ответ простых людей
Зачинщикам войны.
В нем тысячи людских судеб,
Их мирный труд,
И кров,
И хлеб,
И шум дубрав,
И яблонь цвет,
И тучные поля...
На нем спокойный, ясный свет
Далекого Кремля.

Сюжет поэмы развертывается естественно и широко. Поэт сумел придать уже знакомой ситуации характер большого, волнующего и типического обобщения. В то же время повествование Саконской вполне конкретно; известная символичность образов не лишает их теплоты и живости. Поэма в целом — значительная удача Н. Саконской, которая сумела с большой силой передать для юных и взрослых читателей высокие, страстные помыслы рядовых защитников мира, их светлую уверенность в конечной победе доброго, миролюбивого начала, мужественную верность ему и готовность самоотверженно сражаться за мир и счастье народов.

Поэма написана добротными, ясно построенными стихами. В иных местах стих Саконской достигает подлинного драматизма и высокой патетики, в других он приобретает уверенную точность афоризма. Старомодные литературные интонации, вроде «лжи хитросплетенной нить», встречаются как исключение в этой поэме, где радует и творческая смелость поэта, взявшегося решить одну из самых волнующих тем современности, и глубокая искренность.

Среди произведений советских писателей, посвященных великой борьбе народов за мир, по праву займет видное место поэма Н. Саконской, сумевшей горячо и внятно рассказать детям о рядовых защитниках мира.

Н. Саконская. «Плащ партизана». Детгиз. 1950 г. 16 стр.

Сергей АНТОНОВ

Дыхание коммунизма

Хлеба изнывают от зноя. У тракторов «ребра болят» от жары. Колхозники и работники Солончанской МТС ждут не дождутся дождя. И вдруг на горизонте появилась туча. Одна из первых видит эту тучу из своей радиорубки диспетчер МТС, шестнадцатилетняя Зоя. «Вы видите тучу?» — радирует она всем по очереди. Но вот осталась только Оксана, и Зоя колеблется: «Надо ли сейчас осыпать ее таким счастьем?» Дело в том, что к трактористке Оксане неравнодушен механик Савва, а Зоя сама безнадежно влюблена в Савву... Но Зоя глушит темное чувство к сопернице и радирует Оксане. А в это время смотрит на Зою Савва и впервые замечает, как она красива.

Такова сюжетная схема «Жаворонка» — одного из двух рассказов О. Гончара, напечатанных в ноябрьской книге «Нового мира».

Второй рассказ, «На дороге», так же прост. Председатель колхоза Глухенький стремится первым в районе сдать хлеб государству — получить «первую квитанцию». Глухенькому важно перегнать колхоз «Червоная степь», с которым у него соревнование. К тому же с председателем «Червоной степи» Мариной Хижняк у Глухенького особые счеты.

На рассвете Глухенький повез зерно на сдаточный пункт. Но в дороге случилось несчастье: спустила камера, а шофер Яшко забыл в гараже насос. Глухенький в отчаянии. «Заскрипела пыль на зубах» у него, когда мимо промчался «ЗИС» соперницы по соревнованию. Но машина останавливается. Марина Хижняк предлагает шоферу насос и, когда баллон накачан и колесо поставлено на место, пропускает Глухенького вперед, не желая «на чужой беде авторитет зарабатывать».

Несложны сюжеты обоих рассказов, немного в них действующих лиц: в одном — пять человек, в другом — три. Но после того как прочитаны «Жаворонок» и «На дороге», у читателя создается впечатление, будто он только что был среди множества добрых, веселых и трудолюбивых людей. Остается ощущение большого советского коллектива.

Трудно на нескольких страницах передать атмосферу коллектива. Иной писатель и собрание изобразит, и персонажей человек десять заставит разговаривать, а ощущения коллектива нет. Куда легче описать человека! Гончар это делает мастерски. Например: «Яшко, расставив локти, сидел над баранкой прямой, оцепеневший, будто проглотил натощак аршин», — вот и черты портрета шофера. Но, показывая отдельных людей, Гончар умеет хорошо изобразить и коллектив.

Это ему удается, во-первых, потому, что каждый из немногочисленных персонажей рассказов наделен отчетливыми индивидуальными чертами характера и вместе с тем представлен членом большого советского содружества трудящихся — наделен типическими чертами, общими для всего коллектива в целом. «В работе Зоя находит истинное наслаждение, работа объединяет ее с коллективом, который давно уже стал для девочки и родней и самой верной опорой в жизни», — объясняет О. Гончар то, что, в сущности, ясно и без этих совершенно правильных слов.

Во-вторых, герои рассказа О. Гончара даны в связи не только с другими персонажами, но и с коллективом. Коллектив определяет их поведение. Поэтому коллектив выступает в рассказах О. Гончара одним из самых положительных действующих лиц.

От каждой страницы его рассказов веет свежим дыханием недалекого коммунистического будущего, когда все нормы морали и поведения человека будут сами собой, естественно и гармонически согласовываться с интересами общества.

О. Гончару удалось показать благотворную роль социалистического общества. Каждый из его членов несет перед обществом моральные обязательства и моральную ответственность, но это не обедняет, не ущемляет интересов личности, а, наоборот, обогащает и улучшает ее.

Когда Зоя поняла, что в сердце ее закипает ревность к трактористке Оксане, что «недоброе чувство врывается в ее ровные, ясные отношения с людьми», она сразу же стала оценивать свое поведение, представив себя частью коллектива. И Зоя (а вместе с ней и читатель) начинает понимать всю противоестественность этого унизительного чувства. «...Зоя, вызвав Оксану, уже пела сопернице в далекий степной вагончик: — Оксана, Оксана, ты слышишь, ты видишь... К вам пошел дождь!

Оксана благодарно, ласково отвечала, что видит».

«Раздавала Зоя всем свое радостное богатство и, раздавая его, не беднела, а, наоборот, сама становилась еще богаче».

На вопрос подруги, где Зоя нашла столько друзей, «Всюду, — серьезно ответила Зоя и обвела рукой вокруг».

Атмосфера дружеского, заботливого и требовательного коллектива, мне кажется, должна обязательно присутствовать в наших рассказах. В этом одно из коренных отличий советского рассказа от нынешней буржуазной новеллы, где, как правило, человек действует сам по себе, под влиянием случайностей, изолированный от общества, которое если и выступает в произведении, то как враждебная сила.

В обоих рассказах О. Гончара есть еще одно достоинство, которое я бы назвал правильно выбранной точкой зрения.

Читая «Жаворонка», все время чувствуешь, что автор незримо стоит рядом с главным героем — Зоей и до того сроднился с ее душой, что повествование ведет как бы от лица Зои, смотрит на все глазами Зои, относится ко всему так, как относится Зоя. Вот как автор описал думы Зои о ее любимом:

«Когда он вернется? Вернулся бы к вечеру, может, вышел бы опять во двор со своим голосистым баяном... Но разве не от нее, не от Зои, зависит возвращение Саввы? Может, она сама, перехватив Савву в степи, пошлет его прямо от Паливоды в какую-нибудь другую бригаду, прикажет мчаться туда как можно скорее, не заезжая в МТС... И прикажет, и пошлет, несмотря ни на что».

Такая манера дает возможность автору наиболее полно передать переживания героев и дать читателю почувствовать отношение писателя к повествованию. Автор окрашивает рассказ иногда лиризмом, теплой дружеской иронией, избегая холодного объективизма и дидактичности.

Сложная задача — писать от лица человека, который должен убить в себе чувство ревности. А у Гончара это получилось убедительно, главным образом, потому, что он показал самое дорогое, что определяет советского человека: интересы коллектива превыше всего для этой шестнадцатилетней девушки — жаворонка, как ее называли трактористы.

О. Гончар сумел показать, что новая психология Зои определяется окружающей ее жизнью и трудом. И становится понятным, почему так чутко относится Зоя к мнению знакомых и незнакомых друзей.

На большой высоте средства художественного мастерства в рассказах О. Гончара. Сочен и весом скупой диалог героев. Вот как разговаривают трактористка Оксана и отец Зои, заведующий МТС, о тракторе:

«— Ветеран... За Волгу своим ходом ходил... Вытянет сезон, Оксана?

— Вытянет, Карп Васильевич, да, может, и не один еще сезон! Это он только на вид вроде пожилой, а душа у него молодая!

— Молодая, говоришь?»

А если вспомнить, что Оксана влюблена в немолодого уже вдовца Карпа Васильевича, то начинаешь подозревать, что разговор этот идет не только о тракторе...

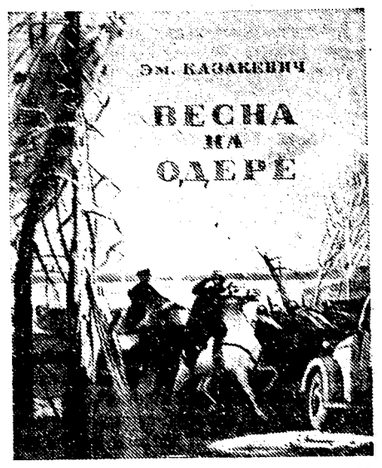
Прекрасно выписан трудовой пейзаж нашей Родины:

«...зашумят, загудят широкие битые шляхи! Какой-нибудь незадачливый суслик, намерившись перебежать дорогу, вынужден будет часами сидеть в придорожном бурьяне, глотая пыль, ожидая, пока пройдут мимо него мощные, горячие, груженные хлебом машины...»

С радостью я прочел оба рассказа О. Гончара. Многому они научат и читателя, да и нас, писателей, работающих в этом трудном, но благодарном жанре.

Олесь Гончар. Два рассказа (из цикла «Юг»). Перевод с украинского Л. Шапиро. «Новый мир», № 11 за 1950 г.

НОВЫЕ КНИГИ



Азбукин Б. «Человек идет к цели». Повесть. «Молодая гвардия», 320 стр. Цена 8 р. 50 к.

Александров В. «Люди и книги». Сборник статей. «Советский писатель», 208 стр. Цена 6 р. 50 к.

Аргутинская Л. и Повзе М. «Крылатые люди». Роман, кн. I. «Советский писатель», 264 стр. Цена 7 р.

Баркова О. «Каждый день». Повесть. «Советский писатель». 386 стр. Цена 9 р.

Бахметьев В. «Из плена лет». Избранное («Из плена лет», «У порога», «Преступление Мартына»). «Советский писатель», 543 стр. Цена 13 р.

Богатырев В. «Хозяева земли». Поэма. «Советский писатель», 84 стр. Цена 2 р. 50 к.

Вишневский Вс. Избранное. («Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта», «Незабываемый 1919-й»). «Советский писатель», 339 стр. Цена 7 р. 50 к.

Демьянов И. «Рассвет». Стихи. «Советский писатель», 72 стр. Цена 1 р. 50 к.

Жданов С. «Право на жизнь». Повесть. Книги I и II. Ростовское областное книгоиздательство. 304 стр. Цена 12 р.

Журавлев Т. «Рядовой Антипов». Записки офицера. «Советский писатель». 184 стр. Цена 3 р.

Караваева А. «Родной дом». Роман. «Советский писатель», 435 стр. Цена 10 р. 50 к.

Маркова О. «Улица Сталеваров». Повесть. «Советский писатель», 231 стр. Цена 4 р.

Озерный Б. «Огни на стрежнях». Стихи. Саратовское областное издательство, 96 стр. Цена 2 р. 60 к.

Охотников В. «Дороги вглубь». Повесть. «Молодая гвардия», 216 стр. Цена 6 р.

Песни русских поэтов. Библиотека поэта. Малая серия. «Советский писатель», 536 стр. Цена 8 р. 50 к.

Попков А. «Дорога счастья». Роман. Красноярское краевое издательство. 300 стр. Цена 10 р. 50 к.

Попов И. «На исходе ночи». Роман. «Советский писатель», 536 стр. Цена 12 р.

Порфирьев Б. «Мяч в сетке». Повесть. «Молодая гвардия», 218 стр. Цена 5 р. 70 к.

Смирнов С. «О самом сокровенном». Стихи. «Советский писатель», 124 стр. Цена 3 р.

Шевелева Е. «Подруги». Стихи, «Молодая гвардия», 112 стр. Цена 2 р. 50 к.

Эгарт М. «Друзья». Роман. Профиздат, 592 стр. Цена 19 р. 75 к.

Эренбург И. «Надежда мира». Сборник статей. «Советский писатель», 97 стр. Цена 1 р. 50 к.

ДЕБЮТ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА

На-днях в Москве открылась выставка художников РСФСР. Произведения живописи, графики, скульптуры показывают серьезный идейный рост художников, их успехи в овладении профессиональным мастерством. Больше половины участников выставки — молодые художники, впервые демонстрирующие свои работы в столице.

На снимке: картина молодого художника Ф. Бутина из г. Горького «У сельского ЗАГСа»

М. АЛМАЗОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Варшава после конгресса

В течение нескольких дней после окончания Второго Всемирного конгресса сторонников мира Варшава не снимала своего праздничного наряда. Восемь тысяч национальных флагов всех стран земли продолжали развеваться на улицах польской столицы, белые голуби — эмблемы мира — все так же украшали жилые дома, заводы, государственные учреждения.

Перед «Домом польского слова», где работала Великая Ассамблея народов, попрежнему ярким пламенем горели 11 факелов мира. Здание было открыто для осмотра. Уже с раннего утра здесь собирались толпы варшавян.

С несколькими участниками конгресса я отправляюсь в «Дом польского слова»; перед отъездом мы хотим еще раз оглядеть столь близкий сердцу каждого из нас зал исторической встречи друзей мира.

Внутри здания все сохранилось так, как было в дни конгресса. Пестрые разноцветные ковровые дорожки, общая длина которых составляет 12 километров, бегут по бесконечным коридорам и фойе. В зале заседания 600 столов образуют стройные ряды. Мелькают таблички с надписями: «Тунис», «Чили», «США», «Корея», «Индонезия», «Китай»...

Еще недавно здесь деловито и горячо обсуждали волнующие всех вопросы, шумно и страстно спорили, громкими аплодисментами приветствовали ораторов, здесь звучал записанный на пленку голос Поля Робсона. Сегодня в зале тихо.

Посетителей, среди которых — трудящиеся Варшавы и шахтеры силезско-домбровского угольного бассейна, рабочие машиностроительного завода в Познани и члены Союза польской молодежи в зеленых блузах с яркими кумачовыми галстуками, многочисленные школьники, ксендзы в черных сутанах, — интересует буквально все. Они хотят знать, где сидел легендарный советский летчик А. Маресьев, где место Пак Ден Ай — представительницы героической Кореи, где расположена комната президиума. С любопытством осматривают десять телефонных кабинок, из которых 136 корреспондентов крупнейших газет мира круглосуточно передавали отчеты о конгрессе.

Как непохожи мои спутники друг на друга! Какая разница в годах, в одежде, в политических взглядах, религиозных убеждениях! Вот дон Гаджеро—католический священник в длинной черной сутане, с лицом аскета. Он говорит страстно и убежденно. В годы мировой войны он был узником фашизма. В первый день конгресса он прочитал пылкую проповедь о мире. «Я сохранил в сердце воспоминание о миллионах замученных, рассеянных по всему свету людей, погибших в последней ужасной войне, — говорил он. — Я ежедневно вспоминаю о сотнях тысяч людей различных национальностей, которые были моими сотоварищами в лагере смерти в Маутхаузене. Я здесь выражаю волю многих миллионов вдов, сирот, больных, безработных, многих сотен честных священников и миллионов итальянских католиков, которые хотят мира. Эти люди ждут действий с нашей стороны».

Дон Гаджеро действительно выражал думы и чаяния простых людей Италии. Буквально на следующий день после выступления на конгрессе в Варшаве он получил десятки телеграмм от соотечественников.

Одна из них: «Отцу Гаджеро. Всемирный конгресс мира в Варшаве. Мы восхищаемся вами. Мы поддерживаем все, что было сказано вами в вашей речи. Район Магдалена — Приниине. Генуя».

Вторая телеграмма: «Тысячи католиков вместе с вами. Мы гордимся вами. Диодати Франко. Город Мантуя».

Посланцы Индии и Гвинеи — Дж. Т. Редди и Бангура Кассори — оба молодые люди, но уже испытавшие тяготы войны. Оба хорошо знают, что такое палочные побои, что такое пытки голодом. Редди хромает. Сломанная нога — память о демонстрации, когда он вместе с товарищами попытался протестовать против английского владычества в Индии.

Кассори понимающе качает головой. «В 1945 году,—говорит он,—французское правительство устроило в Гвинее комедию выборов. Был прислан французский наместник, а нас пытались заставить за него голосовать. Многие отказались. В том числе и я. Тогда власти арестовали всю мою семью. «Беспристрастный и правый суд» заключил меня в тюрьму на два года, старика отца — на полгода, мать — на четыре месяца, а крошку двухлетнего брата — на два месяца! Вы не можете себе представить, — продолжал гвинеец,—как выглядят наши тюрьмы. Это настоящие лагери голода и смерти. Боюсь, что родина снова встретит меня тюрьмой».

Джесси Грей — американский матрос. Он был одним из тех, кто во время выступления Джона Ронге первым бросился к Пак Ден Ай и горячо убеждал ее, что Ронге—этот ренегат и провокатор — не выражает мнения присутствующих на конгрессе американцев, не выражает мнения американского народа. «Подписать Стокгольмское Воззвание — это значит для американского матроса быть выброшенным за борт, то-есть остаться без работы, — поясняет Джесси. — И все-таки значительная часть американских моряков поставила свои имена под призывом мира. Многие мои товарищи предстали перед судом за попытку сопротивления войне в Корее. Многие подверглись избиениям, лишились работы, но террор Трумэна не ослабит нашей воли! Народ Америки не хочет быть врагом Кореи!»

Пора уходить. Кто-то затягивает самую любимую песню конгресса — «Гимн демократической молодежи». Мелодия марша эхом разносится по необъятному залу. Мы покидаем «Дом польского слова» и, обменявшись крепкими рукопожатиями, расстаемся...

Всюду в Польше сейчас подводятся итоги «вахт мира». Отвечая делом на решения Второго Всемирного конгресса, трудящиеся страны принимают на себя новые обязательства. Со всех концов республики поступают сообщения о массовом досрочном выполнении обязательств. Досрочно выполнили свой годовой план металлургические заводы имени Костюшко и Ченстоховский, фабрика искусственного шелка в Холакове, завод телефонного оборудования в Варшаве, ряд шахт. В сотнях сел крестьяне ускорили поставки зерна государству.

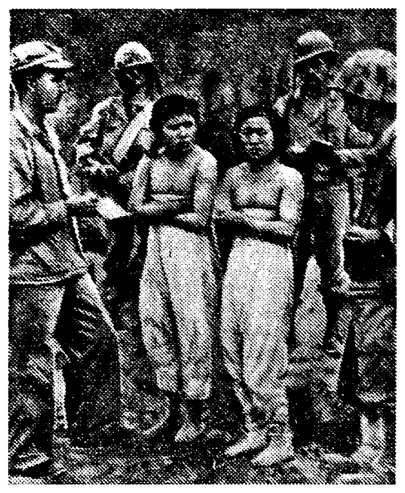
Над самым высоким домом Варшавы — 18-этажным зданием, принадлежавшим до войны итальянской страховой компании, колышется большое голубое знамя с белоснежным голубем. Здание разрушено, от него уцелел только каркас. Нужны были большие отвага и упорство, чтобы взобраться на вершину дома и укрепить там флаг размером в 50 квадратных метров.

Голубь мира над разрушенным зданием — символ сегодняшней Польши. С глубокой верой в свой завтрашний день польский народ из пепла и руин создает основы новой жизни.

ВАРШАВА, ноябрь

ПРОСЧЕТ ЖУРНАЛА „НЬЮСУИК"

Не так давно — 24 октября — «Литературная газета» напечатала снимок из американского журнала «Ньюсуик» от 9 октября. На этом снимке читатель увидел группу гангстеров в военной форме, окружившую двух корейских женщин-санитарок, издевательски раздетых ими почти донага...



Общеизвестно стремление американской пропаганды и прессы разжечь самые низменные инстинкты в массах. Помещая такой снимок, журнал «Ньюсуик» хотел тем самым сказать своим читателям: «Вот какие они молодцы, солдаты Макартура».

На этом редакция, видимо, считала свою задачу решенной.

Но вот в номере от 6 ноября журнал «Ньюсуик» неожиданно для себя оказался вынужденным вновь возвратиться к тому же снимку. Его заставили это сделать читатели, начавшие посылать в редакцию возмущенные и гневные письма от имени простых людей Америки.

Сколько всего писем было прислано этих писем — нам неизвестно. Тем не менее нетрудно себе представить, как сильно было негодование читателей, возмущенных зверским поведением американских солдат в Корее, если даже при нынешнем разгуле реакции в США «Ньюсуик» все же почувствовал необходимость опубликовать хотя бы два скромных читательских протеста.

Приводим отрывки из этих писем.

«Изображение двух полураздетых корейских санитарок, находящихся в руках четырех «солдат», вызывает у меня глубокий стыд за то, как наши войска обращаются с военнопленными, — взволнованно пишет Элен Макдональд из Миддлборо. — Я являюсь состоящей на учете санитаркой и уверена, что если бы мне пришлось быть на их месте, то я стала бы стрелять, чтобы защитить себя от такого позора.

Почему их заставили раздеться и фотографироваться?..»

Во втором письме, отправленном студенткой Джен Уотерсон из Нью-Орлеана, говорится:

«Читая ваш журнал от 9 октября, я обнаружила снимок, изображающий обстоятельства взятия в плен двух молодых корейских санитарок, которые, кажется, «лишены» своих одежд настолько, что это оскорбляет их женское достоинство.

Даже если эти женщины и являются нашими врагами и даже если они стреляли из винтовок, что им не полагается делать ни как санитаркам, ни как женщинам, — и в этом случае я считаю, что мы, тыловики, обязаны высказать свои критические замечания в отношении снимка».

Таковы два письма, напечатанные в журнале «Ньюсуик». Они красноречиво свидетельствуют о том, что помещенный в «Ньюсуик» снимок превратился в своеобразный фотобумеранг, поразивший редакцию этого журнала, по заслугам считающегося рупором воинствующей американской реакции.

Ремилитаризация Мессершмита

Пока мистер Ачесон, сидя за круглым столом, пытается «примирить противоречия» между США и их англо-французскими партнерами по так называемому германскому вопросу, — в самой бонинской вотчине Уолл-стрита процесс ремилитаризации идет полным ходом. Каждый день приносит все новые и новые доказательства того, что США, как это было подчеркнуто в пражском заявлении министров иностранных дел восьми стран, стремятся «...окончательно превратить Западную Германию в орудие своих агрессивных военно-стратегических планов в Европе».

Неудивительно, что именно сейчас американские власти отдали приказ о конфискации бывших казарм гитлеровской армии, где в настоящее время проживает мирное население. Иначе говоря, мирные немцы должны быть вышвырнуты на улицу с тем, чтобы в казармы «прусским шагом» вошли их прежние «исконные» обитатели! К этому можно присовокупить, что в Западной Германии открываются все новые и новые военно-учебные центры для обучения офицеров и солдат обращению с новейшими видами оружия американского производства.

В такой момент на арену политической жизни, залитую светом «прожекторов» военной истерии, в полном нарядном облачении выползают даже такие нацистские преступники, которых до самого последнего времени американцы предпочитали по разным соображениям держать в тени. Если еще в 1947 году при прямом содействии англо-американцев была тайно вывезена в Аргентину группа видных немецких конструкторов во главе с профессором Куртом Танк, то ныне времена изменились. Соединенным Штатам больше нет надобности использовать Аргентину как «кладовую» для сохранения кадров гитлеровской военной машины. Они готовы использовать эти кадры в самой Германии, у всех на виду и по их прямому назначению. Неопровержимым подтверждением этого является сегодняшняя карьера профессора Вилли Мессершмита.

Профессор Мессершмит, — уж не о военном ли преступнике, небезызвестном нацистском авиаконструкторе и личном друге Гитлера, идет в данном случае речь? Совершенно верно. Именно о нем, чьи машины с ревом и воем носились по небосклону полумира.

В свое время Мессершмит, как нацист и военный преступник, был привлечен к ответственности и даже судим. Но затем из обвиняемых англо-американские власти благополучно перевели его в категорию «свидетелей». После этого со всевозможными предосторожностями его подвергли процессу «денацификации». В результате всех этих манипуляций военный преступник и нацист Мессершмит, не жалевший никаких усилий для вооружения гитлеровской военной машины и считавший, что даже Геринг, как руководитель фашистских военно-воздушных сил, не совсем заслуживает доверия, был признан «неглавным соучастником против воли» и приговорен к штрафу в 70 фунтов стерлингов. Такова цена, которую назначили Мессершмиту его англо-американские покровители за полное восстановление «политической и деловой репутации»!

Когда заходила речь о Мессершмите, западноевропейская буржуазная печать до сих пор предпочитала изменять своей врожденной болтливости и прибегала к так называемой «фигуре умолчания». Лишь изредка появлялись скупые сообщения на сей счет. И в одном из них, демонстративно поданном с большим шумом, говорилось, что господин Мессершмит, перековав мечи на плуги, занялся изготовлением... стандартных деталей для строительства домов. Деятельность Мессершмита на поприще «домостроения» раздувалась весьма усердно.

Однако в нынешней обстановке усиленного превращения Западной Германии в американский плацдарм агрессии сооружаемые Мессершмитом «стандартные дома» оказываются в качестве камуфляжа не более прочными, чем обычные карточные домики.

В городе Аугсбурге действительно существует завод, во главе которого стоит Мессершмит. В Мюнхене действительно существует «контора» этого завода. Все дело, однако, в том, что завод в Аугсбурге, номинально выпуская отдельные секции стен для стандартных домов из стали и «пенистого» бетона, по сути дела приспособлен для строительства самолетов. «Предупредите его (Мессершмита.—**Б. Р.**) за десять минут, — пишет лондонский журнал «Иллюстрейтед»,—и вместо домов он начнет выпускать легкие сплавы и рамы для самолетов...»

Журнал «Иллюстрейтед», касаясь «приспособления» завода к выпуску стандартных домов, торжествующе пишет: «Никакого «приспособления» не было. Это попрежнему военный завод».

Не менее примечательна и «контора» в Мюнхене. В этой «конторе» Мессершмит принимает не только заказчиков, но и друзей; здесь он открывает перед ними душу и изливает обуревающие его мысли и чувства. Здесь он заявил американскому журналисту Джеймсу О'Доннелу: «Все это — болтовня о мечах и плугах, тогда как дело лишь в том, чей меч направлен против чьего плуга». «Вилли фанатично верен своим убеждениям (иначе говоря, остается попрежнему нацистом. — **Б. Р.**). Когда он говорит, просто не веришь своим ушам», — замечает другой журналист отнюдь не прогрессивного образа мыслей. Иначе говоря, Мессершмит на «заводе» попрежнему остается военным конструктором, а в своей «конторе» — фанатическим приверженцем «идей» гитлеризма. И то и другое весьма повышает его акции на бирже поджигателей войны. «Нам, западным союзникам, — напоминает журнал «Иллюстрейтед», — потребуются германская нация и Вилли Мессершмит. Доверяйте его идеалам». Вся нынешняя американская политика в Западной Германии как раз и построена на полном доверии не только к нацистским «идеалам», но и к носителям этих «идеалов», в том числе и к Мессершмиту.

Б. РОЗАНОВ

М. АПЛЕТИН

Кто сорвал поездку пакистанских писателей в Советский Союз

Год назад, 19 ноября 1949 года, собрание Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана в Лахоре горячо приветствовало делегацию советских писателей, прибывшую в Пакистан по приглашению ассоциации.

Выступавший от имени прогрессивных писателей Пакистана писатель Ахмед Надим Касми при общем одобрении всего собрания выразил горячее пожелание, чтобы тесные культурные связи и дружественные отношения между народами Советского Союза и Пакистана «росли, ширились и развивались в интересах мира, демократии и свободы».

На организованном Союзом журналистов Пакистана митинге в Карачи присутствовало более трех с половиной тысяч человек. Раздавались возгласы: «Да здравствует дружба между народами Пакистана и Советского Союза».

Бурными аплодисментами встретило собрание заявление советских писателей о том, что эта встреча не последняя.

Естественно, что советские писатели, признательные за радушную встречу, пригласили в Советский Союз делегацию прогрессивных писателей Пакистана. Гостям предоставлялась возможность в течение полутора месяцев ознакомиться с нашей страной, ее народами, ее культурой. Предполагалось, что за эти полтора месяца гости смогут побывать в трех-четырех республиках, в том числе в двух среднеазиатских.

Этот ориентировочный план, конечно, должен был быть уточнен по приезде делегации, в зависимости от ее пожеланий.

Советские писатели ждали гостей на празднование 33-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Делегация рассчитывала выехать в Москву около 15 октября, но пакистанские власти задержали выдачу паспортов. Потом отъезд намечался на 20-е число, но делегаты и на этот раз не получили паспортов.

Пакистанские правящие круги, заявляющие о своем стремлении укреплять дружественные, культурные отношения с соседними странами и народами, сорвали ответную поездку пакистанских писателей в Советский Союз, поездку, которая как раз имела целью упрочение дружбы и взаимопонимания между народами.

Чтобы оправдать как-нибудь перед общественным мнением срыв поездки пакистанских писателей в СССР, в ход была пущена клевета. Так, в газете «Доун» от 2 ноября с. г. появилось сообщение, что лингвист Маулана Абдул Хак, один из членов пакистанской делегации, отказался якобы от поездки в СССР потому, что ему было отказано Союзом советских писателей в разрешении взять с собой секретаря и свободно разъезжать по среднеазиатским и другим республикам, посещать любые объекты и беседовать с людьми по своему выбору.

Нет нужды говорить, что эти «сообщения» являются ложными от начала до конца. Союзу советских писателей только 20 октября стало известно, что Абдул Хак хотел бы приехать в СССР со своим секретарем; однако времени для оформления поездки секретаря, учитывая предполагавшийся срок выезда делегации, уже не оставалось.

Что касается возможности посещения Абдул Хаком среднеазиатских республик, то ему было сообщено, что в предварительном плане пребывания пакистанской делегации в СССР Союз советских писателей наметил посещение четырех республик, в число которых входили и среднеазиатские. При этом было сказано, что окончательный план будет выработан при участии пакистанской делегации литераторов, когда она прибудет в СССР.

Такова правда.

На вопрос, почему была сорвана поездка пакистанских писателей в Советский Союз, ответ может быть только один: этой поездки не хотели представители государственного департамента США, имеющие свой «филиал» в Пакистане, а лакеи из соответствующего ведомства в Карачи побоялись не выполнить волю своих американских господ.

Дружба литераторов Пакистана и Советского Союза, дружба пакистанского народа и народов СССР не входит в расчет правящих пакистанских кругов и их хозяев с Уолл-стрита. Но народ Пакистана решительно выступает за дружбу с народами СССР. Делегация Союза советских писателей могла убедиться в этом по тому теплому приему, который был оказан ей прогрессивной общественностью Пакистана.

Нина НИКОЛАЕВА

Бессмертный солдат мира

Когда на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира первым среди имен лауреатов Международной премии мира было названо имя Фучика, все участники конгресса встретили его бурной овацией.

...В сердце каждого честного человека есть искра любви к правде, добру, справедливости.

И есть люди, сильные и прекрасные, люди особого склада, которые умеют разжечь эту искру, умеют вдохновить человека на великие дела, на борьбу за правду, за лучшее будущее.

Юлиус Фучик, облик которого вместе со знаменитой книгой «Репортаж с петлей на шее» вошел в жизнь и сердца миллионов наших современников, был одним из таких людей.

Недавно в Чехословакии состоялась молодежная конференция, посвященная «герою нашего времени». Писательница Мария Пуйманова, выступившая на конференции, рассказала молодежи о своем знакомстве с Фучиком и о том решающем влиянии, которое он оказал на нее. Встреча произошла в Мостецке, во время забастовки горняков в 1932 году. «Фучик познакомил меня с товарищами из забастовочного комитета, и тогда я узнала впервые, какая это ни с чем несравнимая радость — жить ради будущего и за него бороться. К этому призвал меня, собственно, Фучик. И не потому, что в нем было что-нибудь фантастическое или утопическое. Нет, это был человек настоящий, с ясной головой и притом человек большой веры, совершенно простой, обычный, веселый...»

Об этих качествах Фучика вспоминают все знавшие его люди.

С ним было легко и радостно жить, он отзывался на все хорошее, умел ценить остроумие, сам любил шутить, с легкостью и задором делал большие и трудные дела. Он отличался смелостью, находчивостью, изобретательностью. В одном из своих очерков он очень хорошо и правильно определил, что такое героизм:

«Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.

Спасти жизнь человека, добиться новой победы над природой, освободить полезных членов общества, напрягая все свои силы, увеличить человеческие возможности—вот поле деятельности для героя».

Так пишет Фучик в 1934 году.

А через несколько лет, когда для всего человечества наступает решительный момент действовать, чтобы спасти мир от фашистского порабощения, Фучик так же, как и миллионы честных людей, безымянных героев, делает все, что только можно сделать «в интересах человеческого общества».

...В 1936 году Фучик возвращается в Чехословакию из СССР, где, по его словам, он провел два самых счастливых года своей жизни.

Он написал две книги о нашей стране. Только за один год он сделал 370 докладов о Советском Союзе. И это несмотря на постоянные преследования властей!

Правда о СССР — оплоте мира и справедливости — стала его боевым оружием.

«Каждый новый успех Советского Союза в деле укрепления мира — это удар по фашизму, которому нужна война, чтобы иметь хотя бы надежду на жизнь».

Разоблачая подготовку войны, Фучик выступал не только против фашизма, но и против капитализма, породившего эту коричневую чуму.

«Капитализм должен убивать и учит убивать. В крови фашистских террористов и крови войн — его инъекция, которой он еще поддерживает свое существование. Он требует все больше и больше новых инъекций, как морфинист, который должен увеличивать дозу, чтобы не погибнуть. И отвыкнуть не может. Потому что это не привычка, а смертельная болезнь».

Фучик неустанно борется за мир во всем мире.

На пятый день борьбы испанского народа против фашистских мятежников Фучик пишет в газете «Руде право»:

«Борьба в Испании касается непосредственно также нас. Касается нас потому, что это борьба огромного демократического большинства против фашистов, касается нас также потому, что это борьба за мир, борьба народного фронта мира против фашистского фронта войны».

В другой своей статье «Союзники тех, кто убивает детей» Фучик приводит корреспонденцию из Мадрида о бомбардировке мирного населения и убийстве детей, игравших на стадионе. Он пишет: «Сердца и голоса миллионов людей во всем мире, всех, которые еще колеблются, должны подчиниться одной цели, одной мысли: наказать убийц и не допустить повторения преступления.

Возьмите эти ужасающие документы, возьмите эти снимки убитых и разорванных детей мадридских пролетариев и идите с ними от человека к человеку, идите с ними из дома в дом,— чтобы каждому из вас не пришлось потом от дома к дому самим защищать свои города и села от фашистских убийц. Не говорите об этих снимках: «Это страшно!», но действуйте, действуйте, действуйте теперь же, чтобы этот ужас не мог больше продолжаться в Испании и не мог повториться в действительности перед вашими глазами».

Так еще в те годы Фучик призывал всех честных людей в каждом городе, каждом селе, каждом доме, сплотившись, активно выступить против войны, не ждать мира, но завоевать его!

Фучик был не только пламенным пропагандистом идей мира, но и самоотверженным и мужественным солдатом мира.

Когда на Чехословакию напали фашистские орды, он встал в ряды активных борцов с оккупантами. С 1940 года Фучик находился в подполье. Даже в фашистском застенке он не прекратил своей борьбы. До самых последних дней своей жизни он не только не потерял присутствия духа, но продолжал жить полной, насыщенной жизнью.

Фучик был душой всего тюремного коллектива и многим помог сохранить человеческое достоинство, не сдаться, устоять.

В тюрьме Фучик вел большую политическую работу. Он рассматривал тюрьму, как «окоп, выдвинутый далеко за передний край, со всех сторон окруженный противником, обстреливаемый сосредоточенным огнем, однако, ни на миг не помышляющий о сдаче».

Юлиус Фучик обращал свой взор к Советскому Союзу, к великому знаменосцу мира и свободы товарищу Сталину и присягал на верность: «Отец, мы идем за тобой».

В тюрьме Фучик писал последнюю свою книгу, последний свой завет людям, «которые переживут это время»,—«Репортаж с петлей на шее».

...Всю землю облетели предсмертные слова Фучика: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!»

Будьте бдительны! Этот его призыв написан сегодня на знамени всех борцов за мир.

«Репортаж с петлей на шее» Фучика переведен сейчас на 37 языков. Книга вышла в 66 различных изданиях общим тиражом в 2 миллиона экземпляров!

Каждое слово в этой книге — великая человеческая правда. Именно поэтому перед ней раскрываются души. Читая книгу Фучика, простые люди убеждаются, что таким людям, как он, можно поверить, можно итти за ними, ибо они являются подлинными борцами за человеческую правду и мир. Простые люди учатся у Фучика бороться до последнего дыхания и побеждать врагов даже своей смертью.

Умирая, Фучик знал, что борьба еще не окончена. Он знал, что дни фашизма уже сочтены, что сделан большой шаг вперед к торжеству мира и счастья на земле, но для достижения конечной цели нужно будет сделать еще не один шаг, и «обязанность быть человеком не кончится вместе с теперешней войной».

И эту обязанность он видел в борьбе за мир.

В январе 1942 года он писал:

«Мы, коммунисты, любим мир. Поэтому мы сражаемся. Сражаемся со всем, что порождает войну. Сражаемся за такое устройство общества, при котором уже никогда не смог бы появиться преступник, который ради выгод кучки заправил посылает сотни миллионов на смерть, в бешеное неистовство войны, на уничтожение ценностей, нужных живым людям».

Предвидя опасность новых чудовищных преступлений против человечества со стороны империалистического лагеря, лагеря реакции и войны, Фучик предупреждал: «Разлагающийся капитализм заполнил мир ужасами, и эти ужасы угрожают каждому смертельной бедой».

Сегодня, когда война, раздуваемая американо-английскими империалистами, стала реальной угрозой всему человечеству, эти слова Фучика звучат с новой силой. Происки врагов мира угрожают к а ж д о м у. Поэтому все больше и больше людей всех стран и наций приходят под знамена мира, знамена борьбы.

«В жизни нет зрителей», — писал Фучик. И все честные люди на земле все яснее и яснее понимают, что сегодня в стороне стоять нельзя, нельзя быть нейтральным, когда речь идет о судьбе человечества.

Включаясь в борьбу за мир, прозревают миллионы. И многим из них помогает в этом правдивое и страстное слово Фучика. Вот выдержки из одного письма вдове писателя:

«Репортаж с петлей на шее», переведенный на английский язык, читали на моей родине, и он произвел на людей неизгладимое впечатление. Меня, например, он так потряс, что я удвоила свои усилия в борьбе за мир... Эта книга укрепила мое убеждение в подлости и ничтожности тех, кто сейчас продолжает губительную деятельность людей, убивших Вашего мужа. Если такие люди, как он, столько вытерпели, мы все должны принести бо́льшие жертвы и продолжать то великое дело, которому он посвятил свою жизнь и за которое умер», — так пишет простая английская женщина.

Год назад женщины Голландии, выступавшие против войны, поклялись на книге Фучика, что не прекратят своей борьбы за мир до тех пор, пока не завоюют его.

Таких примеров можно было бы привести множество.

Миллионы людей доброй воли, борющиеся за мир, клянутся сегодня именем писателя—борца за мир Юлиуса Фучика отстоять мир во что бы то ни стало.

ПОПРАВКА

Стихотворение С. Вургуна «Знамя человечества», опубликованное в № 114 «Литературной газеты», ошибочно обозначено как отрывок из поэмы «Муганъ» в переводе А. Адалис. Это стихотворение представляет собою отрывок из поэмы С. Вургуна «Царство буровых» (переводчики И. Оратовский и А. Плавник).

На сотрудника редакции, по вине которого допущена ошибка, наложено взыскание.

ОТКРЫТ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на 1951 год
на «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» —
орган правления Союза советских писателей СССР

«Литературная газета» выходит 3 раза в неделю.
Подписная плата:
на 12 месяцев — 62 руб. 40 коп
на 6 месяцев — 31 руб. 20 коп.
на 3 месяца — 15 руб. 60 коп.
Подписка принимается «Союзпечатью», на почте и общественными уполномоченными на предприятиях.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, И. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; отделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, К 4-03-66, информации — К 4-08-69; издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 03772.